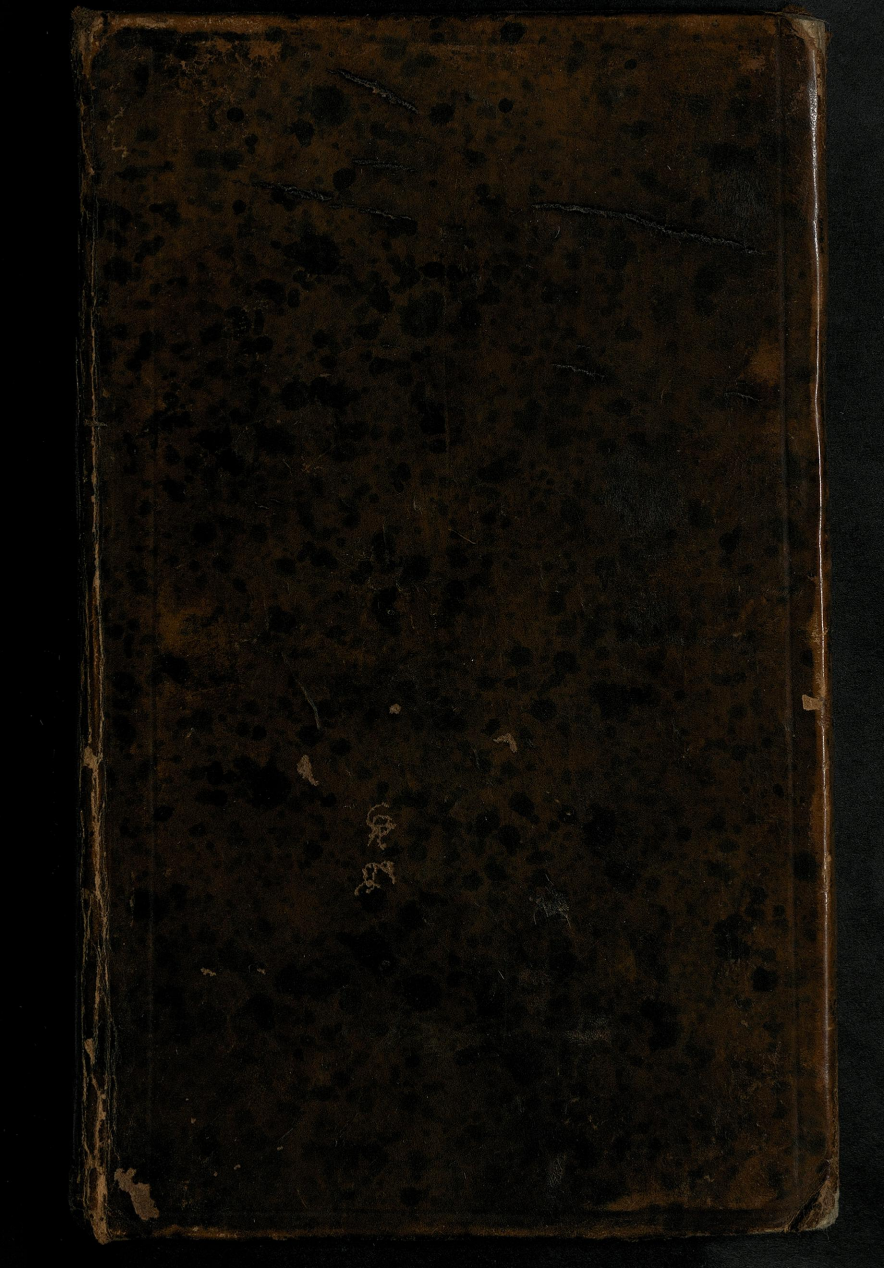
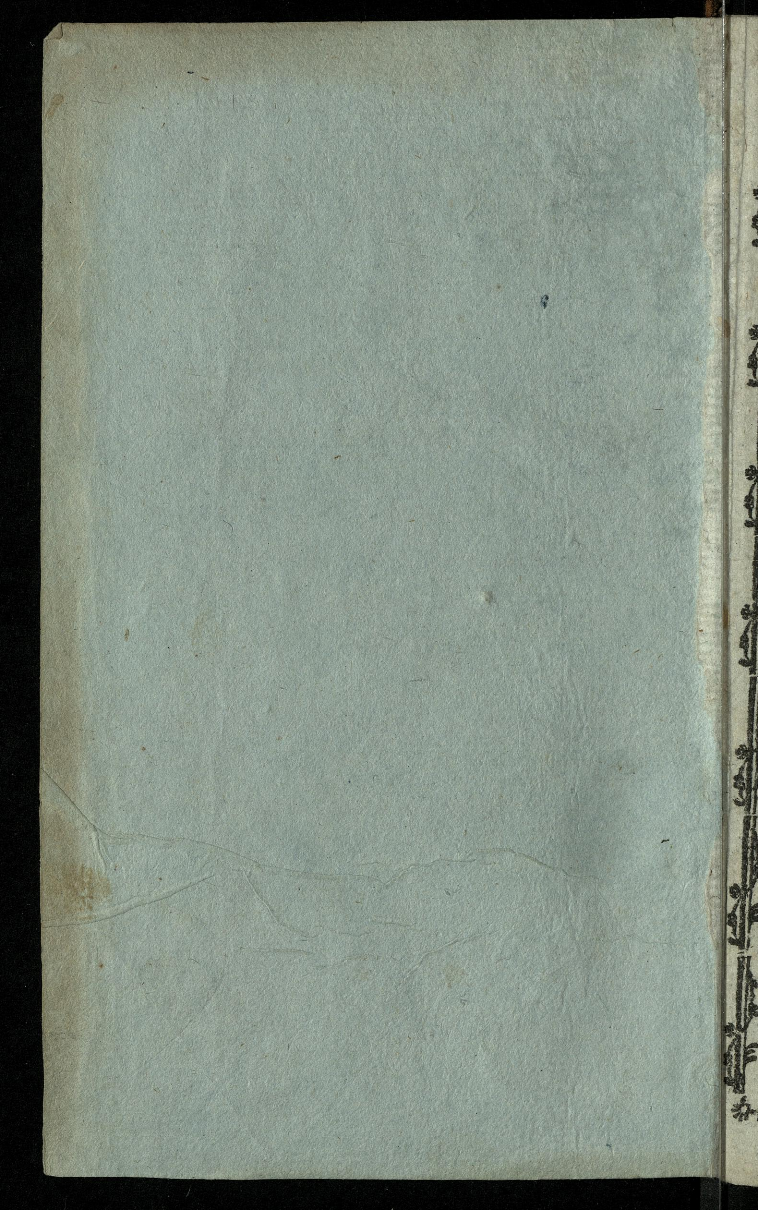

ЛУИЗА Г..

ИЛИ

ТОРЖЕСТВО НЕВИННОСТИ.

Истинная повѣсть, содержащая въ себѣ чувствительныя и рѣдкія приключенія, научающія насъ быть добродѣтельными, и убѣгать пороковъ.

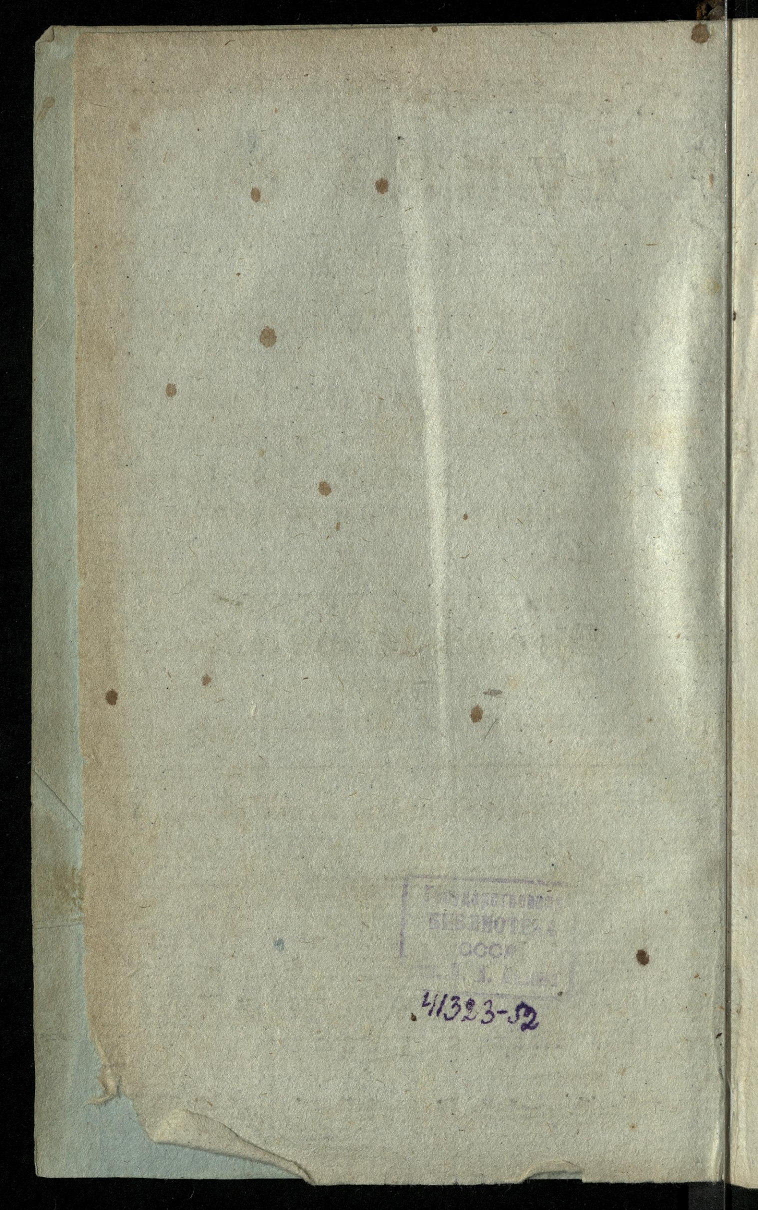
Часть первая.

Переведена съ Нѣмецкаго.

Съ указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Типогр. при Театрѣ у Хр.
Клаудія, 1788 года.

СССР
41323-52

ПИСЬМО
ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ
къ своей пріятельницѣ.

Дражайшая пріятельница!

Вы требуете отъ меня повѣсти о любви достойной *Луизѣ* Г. . ., которой великія свойства привлекали къ себѣ почтеніе тѣхъ, кои имѣли щастіе ее знать и почитать ея добродѣтель. Естьли бы за годъ передъ симъ, когда еще сія достойная особа была жива, потребовали вы отъ меня оной; то бы я былъ принужденъ въ томъ вамъ отказать. Но теперь она находится въ жилищѣ достойномъ ея добродѣтелей; и какъ

 уже

уже болѣе не заботится о суетахъ сего превратнаго свѣта, то равнодушно будетъ на оное взирать, что ея повѣсть будетъ извѣстна. Я имѣлъ щастїе быть близкимъ знакомцемъ сей великодушной особѣ, и она удостоивъ меня особливою довѣренностїю, изустно объявила мнѣ свою исторїю. Я поручаю вамъ сїю трогающую повѣсть на двухъ условїяхъ. Первое: что бы вы ее удержали у себя, и никому не отдавали для особливыхъ причинъ, которыя я имѣю. Второе: будьте тѣмъ довольны, что я вамъ буду писать, и какъ буду писать. Вы знаете мои упражненїя и дѣла, которыми я занятъ, почему меня въ томъ извините, когда я противъ моей воли нѣсколько позамѣдлю, или ежели не буду всегда писать съ одинакою ясностїю, для того, что иногда

досадныя дѣла уменьшатъ мой духъ; и такъ естьли вы хотите оную принять на сихъ условїяхъ, то я вамъ ее поручаю.

Луиза Г. . . была дочь *Генриха Г. . . .* одного богатаго купца въ А. . . . Сей достойной мужъ соединялъ съ истинною честностїю и великодушнымъ сердцемъ всѣ знанїя приличныя его состоянїю. Ибо когда его отецъ былъ весьма богатой человѣкъ, и почиталъ воспитанїе дѣтей за первѣйшую должность честныхъ родителей: то воспиталъ онъ его наилучшимъ образомъ. Онъ въ томъ такъ отмѣнно поступалъ, что однажды спросилъ старой его прїятель: развѣ онъ забылъ, что онъ только купецъ, а воспитываетъ дѣтей, какъ Графъ? Когда мои дѣти, отвѣчалъ онъ, будутъ честны и полезны своему отечеству, то я

тѣмъ буду доволенъ; впрочемъ могутъ они быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ. Генрихъ награждалъ изливаемыя на него отцемъ его благодѣянія величайшимъ прилѣжаніемъ, и достойнымъ похвалы поведеніемъ. Но какъ торгъ его отца весьма далеко распространялся, и для сего онъ имѣлъ дѣла во многихъ государствахъ: то и обучалъ онъ своихъ дѣтей разнымъ и употребительнымъ языкамъ. Генрихъ въ семъ его желаніи столько успѣлъ, что онъ на восьмнатцатомъ году почти на всѣхъ Европейскихъ употребительнѣйшихъ языкахъ изрядно говорилъ и писалъ. И какъ онъ имѣлъ великое желаніе видѣть свѣтъ, то для сего дозволилъ ему отецъ его съ однимъ учителемъ путешествовать. Генрихъ пробывъ четыре года въ Англіи,

Фран-

Францїи, Испанїи, Португаллїи, Италїи, Германїи, наконецъ возвратился домой, получивъ довольное свѣденїе о наукахъ и о вещахъ примѣчанїя достойныхъ тѣхъ государствъ. По желанїю своего достойнаго отца, и по склонности своего сердца, женился онъ на Амалїи Г. . . ., дочери одного весьма богатаго купца въ Л. . . . и отъ сего супрушества хотя непродолжительнаго, но щастливаго, произошла наша Луиза. Генрихъ Г. . отъ сего брака и именїя, доставшагося ему по смерти отца своего, сдѣлался самымъ богатымъ купцомъ въ А. . . .; но хотя бы его имѣнїе было и посредственно, то бы оное его раченїемъ и порядкомъ въ дѣлахъ весьма умножилось. По двулѣтнемъ съ своею любви достойною Амалїею нѣжнѣйшемъ и спокойнѣйщемъ бракосоче-

сочетанїи, произвелъ онъ прекрасную дочь, которую назвали Луизою, и которая есть предметомъ сей исторїи. Сколь велика была радость отца при семъ прїятномъ подаркѣ, столь велика была любовь мужа къ своей супругѣ. Онъ умножилъ свою къ ней нѣжность и столько объ ней заботился, что позабывалъ самъ себя.

Но провидѣнїе вознамѣрилось при семъ случаѣ испытать въ первой еще разъ Генрихову твердость. Его любезная Амалїя въ пятой день послѣ родовъ умерла въ объятїяхъ своего въ отчаянїе впадшаго супруга и поразила нѣжное его сердцѣ жестокою раною, отъ которой онъ чрезъ долгое время едва могъ излѣчиться. Его сожалѣнїе было столь велико, что онъ впалъ отъ того въ нѣкоторой родъ забвенїя, и на все, даже

и

и на самую Луизу взиралъ равнодушно. Онъ находился въ семъ состоянiи почти полгода, и уже начали сомнѣваться о его выздоровленiи. Ему иногда предлагали, въ намѣренiи, разогнать его мысли и сдѣлать нѣкоторое впечатлѣнiе въ его хладнокровномъ духѣ, не хочетъ ли онъ хотя одинъ разъ видѣть свою малинькую Луизу? но онъ всегда сiе предложенiе отвергалъ, почитая въ образѣ сего невиннаго дитяти убiйцу матери. И когда уже лѣкарства не имѣли никакого дѣйства въ возстановленiи его здоровья: то избрали для сего малинькую Луизу. Нянькѣ велѣно съ нею притти: Генрихъ сидѣлъ въ креслахъ сложивши руки, его глаза были неподвижны; никакой шумъ около его не могъ въ немъ возбудить вниманiя, или что бы онъ под-

нялЪ свои глаза. ОнЪ ни на что не отвѣчалЪ и ничего не слушалЪ. Нянька показалась, сестра больнаго была тутЪже. Она взяла невинно улыбающуюся Луизу на свои руки, и по пролитіи надЪ ней нѣсколькихЪ слезЪ бросилась сЪ нею кЪ ногамЪ сокрушающагося отца. Она сіе должна была для того сдѣлать, чтобЪ онЪ могЪ ее потупленными своими глазами увидѣть.

Я не вЪ силахЪ, дражайшая пріятельница, точно представить вамЪ то, что тогда происходило! ниже того описать, что я чувствовалЪ тогда, когда мнѣ покойная Луиза сіе трогающее явленіе разсказывала, ибо ей и самой послѣ о семЪ сообщили! Вы сами имѣете нѣжное и чувствительное сердце.

Едва

Едва сія нѣжная сестра съ малинькою своею Луизою представилась его глазамъ, то онъ подлявъ нѣсколько свою голову, тяжело вздохнулъ, и чрезъ минуту послѣ того слабымъ и трогающимъ голосомъ вскричалъ: „ О! „ любезная моя Амалія! „ по семъ изъ его глазъ потекли слезы, при семъ случаѣ показались на блѣдномъ его лицѣ нѣкоторые знаки жизни. „ Конечно твоя Ама„ лія!„, отвѣчала въ слезахъ по„ грушенная его сестра, взирай „ въ семъ невинномъ и любви до„ стойномъ дитяти на истинное „ изображеніе твоей Амаліи, и „ живи! Блаженная душа твоей „ дражайшей супруги требуетъ „ отъ тебя сего доказательства „ любви, что бы ты твоей Луизѣ „ оказалъ всю свою нѣжность! „ живи и будь отецъ! не умно-

 „ жай

„ жай своею смертїю нещастїя не-
„ виннаго творенїя, которое неща-
„ стливо уже и тѣмъ, что при са-
„ момъ своемъ рожденїи лишилось
„ своей матери „. Всѣ предстоя-
щїя проливали слезы, лице боль-
наго, которое прежде было блѣд-
но, начало нѣсколько краснѣть,
и лѣкари съ удовольствїемъ взи-
рали на сїе впечатлѣнїе, произ-
веденное симъ представленїемъ.
По нѣсколькихъ тяжкихъ вздохахъ,
началъ Генрихъ говорить такъ: „
„ О любезная моя Амалїя! „ я
„ опять тебя вижу! Въ семъ люб-
„ ви достойномъ дитяти опять
„ тебя нахожу! Какое великое сход-
„ ство въ сихъ взорахъ! Какое
„ подобїе въ сихъ глазкахъ! Толь-
„ ко они не такъ ясны! О Луиза!
„ будь ты моя Амалїя, только я
„ претворю нѣжность супруже-
„ скую въ любовь отеческую! „

По

По сихъ словахъ взявъ онъ ее изъ рукъ своей сестры, прижалъ такъ крѣпко къ своей груди, что опасались, дабы онъ ей непричинилъ какого вреда. Онъ не говорилъ почти ни одного слова, но омочалъ ее своими слезами; его чувствованія столь были сильны, что многаго стоило труда освободить Луизу изъ его рукъ. Наконецъ сіе удалось и ее вынесли вонъ. Больному по совѣту лѣкарей пустили кровь, и его отвели на постелю; онъ по провожденіи спокойной ночи, былъ въ слѣдующее утро въ лучшемъ состояніи. И какъ уже онъ съ сего времени не имѣлъ намѣренія умереть и былъ въ лучшемъ положеніи: то силы его начали укрѣпляться. Въ то время Луиза, какъ скоро проснется, всегда была въ его горницѣ; онъ ни въ чемъ не

не находилъ болѣе удовольствія, кромѣ ея. Наконецъ ему стало гораздо лучше.

Первой его выходъ, какъ онъ началъ ходить, былъ къ Луизѣ въ горницу. Онъ ее засталъ спящую, и долго на нее съ удовольствіемъ смотря, проливалъ слезы, потомъ взялъ одну малинькую ее руку, и поднявъ свои глаза къ небу, говорилъ слѣдующее: „ Въ твоемъ присудствіи, Всемогущій! дѣлаю я сіе обѣщаніе, что впредь ни на комъ не женюсь, но всю мою любовь, всю мою нѣжность, обращу къ сему любезному дитяти, котораго ты мнѣ даровалъ! Естьли я сіе обѣщаніе когда нибудь нарушу: то пусть твой гнѣвъ накажетъ меня строжайшимъ образомъ!,, По сихъ словахъ далъ онъ нянькѣ полной кошелекъ денегъ, и обѣ-

обѣщалъ ей впредь, естьли она употребитъ все свое стараніе на воспитаніе сего дитяти, еще большее награжденіе.

Сіе-то есть, любезная пріятельница, начало жизни нашей Луизы. Я сіе нѣсколько пространно описалъ; но я не могъ онаго пропустить для того, что послѣдующее безъ того не можно бы было разумѣть.

Описаніемъ дѣтскихъ лѣтъ сея дѣвицы не буду много заниматься, для того, что они любопытства вашего не достойны, только сего не могу я пропустить, что упомянутая нянька, которая называлась Елеонора, и которая въ послѣдствіи будетъ брать не малое участіе въ сей исторіи, соотвѣтствовала во всемъ желаніямъ Генриха. Она была чистосердечная и честная женщина; и какъ была не

не низкаго рода и имѣла хорошее воспитанїе, но по нещастїю приведена кЪ сему состоянїю: то служила не только вмѣсто няньки, но и вмѣсто матери, и малинькая Луиза столь много ее почитала, что всякЪ бы подумалЪ, что она родная ея мать.

Луиза достигла пятнатцатаго года; ея богатой и нѣжно любящїй отецЪ ничего не щадилЪ для ея воспитанїя; а она отеческїя его старанїя награждала возможнымЪ прилѣжанїемЪ, которое я вамЪ ничѣмЪ инымЪ доказать не могу, какЪ только тѣмЪ, что кромѣ природнаго своего языка, по Французски и Италїянски совершенно говорила, превосходно пѣла, прекрасно играла на разныхЪ инструментахЪ, наилучшимЪ образомЪ танцовала, отмѣнно рисовала, всякїе штучки безподобно дѣлала,

и всѣ женскія рукодѣлія и науки совершенно знала. А ея сердце — О! дражайшая моя пріятельница, ея тихое, любви достойное сердце было сердце Ангельское — какими изрядствами было оно украшено! исполнено любви, тихо, безъ всякой гордости, сожалительно и къ самымъ низкимъ, милостиво, добродѣтельно въ самомъ высочайшемъ степени. — и сіе благородное сердце въ какомъ же обитало тѣлѣ! —

Луиза была нѣсколько выше средняго возраста, и по женскому можетъ назваться большаго, что болѣе ей придавало величественнаго вида. Волосы у ней были темнорусые, черные ея глаза были живы и проницательны. Лице было круглое, хорошаго разположенія, и пріятное. Ея взоры были взоры невинности, которые откры-

крывали доброе ея сердце. Ея ротъ, ея руки, ея ноги. — все было прекрасно, а талїя ея превосходила все; я никогда такъ стройной не видывалъ. И хотя она по претерпѣнїи нещастїя наслаждаясь спокойными днями нѣсколько потолстѣла, но однако все сїе служило болѣе къ ея прїятности.

Такова-та была сїя женщина, которая долженствовала претерпѣть толикїя нещастїя и которой добродѣтель подвергалась великимъ искушенїямъ. Сколь щастлива была Луиза, имѣя толь мужественное сердце, что и въ самыхъ величайшихъ нещастїяхъ была велика! Она имѣла бодрость въ предпрїятїяхъ, постоянство въ произведенїи и терпѣнїе въ страданїи, и въ величайшихъ опасностяхъ не отчаявалась. Я многихъ зналъ нещастныхъ, многїе стенали

нали подъ бременемъ злощастїй, когда ударъ за ударомъ послѣдуетъ; но я примѣтилъ, что сїя нещастная всегда имѣла великую душу. — Ее видали печальную, пораженную, но отчаянную, со всѣмъ отчаянную никогда ее не видали; она всегда находила себѣ облегченїе въ великости своей души.

Прежде, нежели я буду продолжать свою исторїю, долженъ васъ увѣдомить о тѣхъ особахъ, кои были причиною всѣхъ нещастїй добродѣтельной Луизы.

Бенстонъ родомъ изъ Англїи, живущая въ А . . . , имѣла чрезвычайную и плѣняющую красоту; но ея характеръ былъ весьма гнусной, однако она великою своею хитростїю умѣла оному придавать видъ добродѣтели, такъ какъ и лице прикрывать бѣлилами и румянами. Николай Б . . .

былЪ весьма богатой купецЪ вЪ А . . . но столько скупЪ, что вЪ А . . . была пословица, когда кого весьма скупымЪ хотятЪ назвать: онЪ такЪ скупЪ какЪ Б . . . ОнЪ соединялЪ сЪ оною всѣ почти пороки; былЪ угрюмЪ, жестокЪ, недовѣрчивЪ, весьма золЪ и ко всѣмЪ подлостямЪ склоненЪ. Андрей Б . . . , сынЪ его, былЪ точная копїя сего гнуснаго подлинника. ОнЪ всѣ пороки отца своего наслѣдовалЪ; и какЪ сей ему отЪ скупости, не далЪ хорошаго воспитанїя, то онЪ слѣдуя природнымЪ своимЪ склонностямЪ, сдѣлался безпутнымЪ и грубымЪ юношею. ОнЪ своею глупостїю доказывалЪ, что достойной сынЪ своего родителя.

Я вамЪ прежде объявилЪ, что ЛуизинЪ отецЪ изЪ любви кЪ своей дочери далЪ клятву, никогда не

не жениться; сего обѣщанія онъ весьма держался, хотя много разъ его сродники предлагали ему объ ономъ, да и домашнія его дѣла, а особливо воспитаніе дочери (ибо отцы дочерямъ не столь способны дать пристойнаго воспитанія) необходимо онаго требовали. Но ни сей обѣтъ не могъ его защитить противъ любви, естьли можно назвать любовію незаконной бракъ. Генрихъ Г. . . имѣлъ тогда еще только 33 года, былъ совершенно здоровъ, имѣлъ весьма нѣжное сердце, жилъ въ изобиліи, и ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Онъ бы не человѣкъ былъ, естьлибъ при всемъ семъ былъ нечувствителенъ. Онъ началъ щеголять, когда уже все заглаждающее время уменьшило нѣсколько въ его сердцѣ память его Амаліи; однакожъ сіе ничего не

значило, и его сродники, желавшіе болѣе всего перемѣны его духа, ничего изъ того не заключали. Нѣкоторая знатная госпожа въ А. . . . открыла въ одинъ вечеръ у себя вольной маскерадъ, въ которой всякаго, кто только могъ получше одѣться, пускали. Генрихъ, любившій такія балы, вознамѣрился наономъ быть. Онъ показался въономъ въ платьѣ, котораго новость и великолѣпіе обратило всѣхъ глаза, и природная его красота тѣмъ болѣе умножалась. И чтобъ быть ему вольнѣе и веселѣе на ономъ балѣ: то вознамѣрился никому себя не открывать. И какъ онъ съ удивительнымъ искуствомъ танцовалъ, то вмѣшался между мазками: тутъ его осыпали вопросами въ намѣреніи его узнать, но онъ всѣмъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, и

былъ

былъ весьма радъ, что никто не могъ узнать подлинно его имени. Дамы бѣгали около его, и онъ почти непрестанно танцовалъ. Не прошло еще двухъ часовъ, какъ показалась одна маска, которой великолѣпїе и странная одежда обратила всѣхъ на себя глаза. Генрихъ началъ съ нею танцовать, во время танца примѣтя прекрасной ея станъ, имѣлъ великое желанїе узнать кто она такова. Послѣ танца повелъ ее на мѣсто и вступилъ съ нею въ разговоръ. Прекрасная маска! началъ онъ говорить, естьли лице ваше соотвѣтствуетъ прекрасной вашей талїи, то вы наилучшая красавица. Не сочтите смѣлость мою, что я такъ съ вами говорю дерзновенно, я отъ природы чистосердеченъ, а еще съ большею вольностїю подъ маскою. — Государь

мой!

мой! чистосердечїе подъ мазкою ли, или безъ мазки, всегда есть добродѣтель, впрочемъ я за вашу учтивость благодарна. — Но сдѣлаете ли вы мнѣ ту милость, естьли смѣю васъ попросить, открыть вашу мазку? — Нѣтъ, этого я вамъ не могу сдѣлать. — Скажитежъ покрайней мѣрѣ, могу ли имѣть щастїе знать ваше жилище. Когда вамъ это угодно, въ томъ нѣтъ никакой важности, я живу въ улицѣ Г. . . . въ домѣ Н. . . ., подлѣ полатъ Графини фонъ Ф. . . . А имя ваше? — Бенстонъ! Тутъ ее попросили танцовать, и Генрихъ болѣе уже во весь вечеръ не могъ найти случая съ нею говорить. Не льзя сказать, что бы онъ въ нее тогда влюбился; однакожъ прїѣхалъ домой не совсѣмъ спокоенъ. Онъ самъ сїе называлъ любопытствомъ, и

для удовольствїя онаго, два дни спустя послѣ того, поѣхалъ въ вышеобъявленной домъ. Его экипажъ былъ весьма великолѣпенъ, онъ имѣлъ не купеческую, но Графскую пышность. Служители Бенстоны увидя его, тотчасъ доложили о немъ своей госпожѣ; и когда онъ сказалъ свое имя: то тотчасъ его къ ней впустили. Онъ былъ пораженъ какъ громомъ, увидя подобную богинѣ женщину. Онъ восхищенъ былъ ея красотою и сталъ неподвиженъ подошедъ къ ней ближе. Государь мой! начала она, что вамъ угодно? Я та Бенстонъ, съ которою вы желали нѣчто говорить. Знакомой голосъ возбудилъ его отъ иступленїя. Простите моей смѣлости, сударыня, отвѣчалъ онъ, я не могъ противиться моему любопытству васъ видѣть, будучи на прошед-

шемЪ балѣ обворожен вашимЪ взоромЪ, и удостоинЪ объявленіемЪ отЪ васЪ вашего жилища. —

Но что я вамЪ, моя дражайшая, долженЪ объявить чрезЪ сей разговорЪ, которой будетЪ продолжителенЪ? СловомЪ, БенстонЪ сія, сколь хитрая, столь и прекрасная, отЪ многихЪ знатнѣйшихЪ и богатѣйшихЪ вЪ А. . . . обожаемая женщина, пріѣхавшая изЪ Л. . . . сЪ однимЪ молодымЪ ЛордомЪ, которой умерЪ вЪ Голландіи, такЪ хорошо умѣла употреблять свое искуство, и Генриха такЪ крѣпко запутала вЪ своихЪ сѣтяхЪ, что почти невозможно казалось оныя разорвать. Его сродники почитали сіе сперва бездѣлицею, и ему обЪ ономЪ не говорили; но увидя Генрихову кЪ ней привязанность, расточеніе, употребляемое имЪ на содержаніе сей жен-

женщины, и что онъ по слѣпой своей къ ней любви можетъ вздумаетъ на ней жениться, приняли намѣренїе объ этомъ ему поговорить. Но они въ томъ мало успѣли. Хотя они ему представляли, что онъ не первой, котораго она обманываетъ, и что она не съ однимъ съ нимъ, но со многими такъ поступаетъ, однако все сїе ничего не могло подѣйствовать. Онъ почитая сїе (столько ослѣпленъ будучи ея любовїю) за оскорбленїе съ великою холодностїю сказалъ имъ, что бы они объ немъ не безпокоились; что онъ не привыкъ отдавать отчету никому въ своихъ дѣлахъ, и что прежде всѣхъ ихъ, нежели Бенстонъ, оставитъ.

Сей разговоръ никакой не имѣлъ пользы, но болѣе вреда, такъ что Генрихъ совсѣмъ поссорился

съ своими родственниками, и они мало по малу столько на него озлобились, что простирали свою вражду и на невинную Луизу. Генрихъ между тѣмъ продолжалъ жить съ Бенстоною въ тѣсномъ союзѣ, и сколь должна быть велика его любовь къ ней, можно изъ того видѣть, что отъ оной уменьшилась его нѣжность и попеченіе къ своей любезной дочерѣ. По совѣсти не могу точно утвердить, какъ долго продолжалось сіе обхожденіе, а только знаю, что онъ на пятнатцатомъ году Луизы къ своему и ея щастію отъ Бенстоны отсталъ. Можетъ быть, любезная пріятельница, вамъ покажется удивительно, что я такъ много занимаюсь родителемъ Луизы, и кажется, будто я не ее, но отца ея жизнь описываю. Это правда, что я оное описывалъ

нѣ-

нѣсколько пространно, хотя въ иныхъ мѣстахъ и можно бы было сократить; но въ томъ меня можетъ извинить то, что послѣдняя часть Генриховыхъ приключенiй имѣетъ великое влiянiе въ судьбу его дочери. Тутъ еще не все о Генрихѣ, онъ еще нѣсколько времени долженъ представлять свою роль; а потомъ уже я начну о Луизѣ точную повѣсть.

Распространившiйся торгъ Генриха принудилъ его неотмѣнно ѣхать въ Л. . . . дѣло было очень важно и онъ не могъ онаго никому другому поручить. Онъ увѣдомилъ Бенстонъ о необходимости своего путешествiя и обѣщавъ чрезъ восемь дней воротиться назадъ, простился съ нею съ такою же нѣжностiю, какъ и въ первой мѣсяцъ своего съ нею знакомства; онъ ей обѣщался въ

пись-

письмѣ назначитъ день своего прїѣзда. Генрихъ отправился, и исправивъ свое дѣло, возвратился домой въ седьмой день своего путешествїя вечеромъ въ девятомъ часу. Онъ дѣйствительно послалъ къ Бенстонѣ нарочнаго верьхомъ, и ей въ нѣжнѣйшемъ письмѣ назначилъ день своего прїѣзда; но сей посланный имѣлъ нещастїе; за двѣ мили до А.... упавъ съ лошади, переломилъ ногу и для сего остался онъ въ ближней деревнѣ.

Какъ скоро Генрихъ прїѣхалъ домой, то не переодѣвшись и несказавши о себѣ Луизѣ, выпивши только одинъ стаканъ вина и съѣвши нѣсколько холодныхъ пироговъ, полетѣлъ на крылахъ любви въ дорожномъ своемъ платьѣ къ Бенстонѣ. Спальня ея была ему всегда отворена и отъ оной ключь всегда имѣлъ при себѣ. Онъ

подо-

подошедъ къ оной такъ, что его никто не видалъ, отперъ двери и взошелъ. Представтеже его смятенїе, когда онъ свою Бенстонъ, обожаемаго своего Ангела, которой вѣрность предпочиталъ всему свѣту, которую онъ любилъ болѣе себя, и для которой вся его фамилїя сдѣлалась ему врагами, когда онъ, говорю я, сїю любовницу увидѣлъ раздѣляющую любовь съ молодымъ Графомъ фонъ В. . . . : его изумленїе сдѣлало его недвижимымъ, и онъ долго не могъ притти въ себя. Первое его движенїе было, что онъ оборотившись затворилъ двери. Онъ такъ скоро къ ней спѣшилъ, что не успѣлъ перемѣнить дорожнаго своего платья, также позабылъ отвязать кортика и двухъ заряженныхъ пистолетовъ. Когда живой примѣръ ея обмана

въ

въ глазахъ его представлялся, и когда бѣшенство его отъ того причиненное не позволяло дѣлать ему никакихъ разсужденій: то тотчасъ выхвативъ одинъ пистолетъ, въ намѣреніи убить онымъ Бенстону; но какъ рука его отъ ярости дрожала, то пуля попала въ плечо, и Бенстонъ безъ памяти упала въ обморокъ. Генрихъ какъ скоро выстрѣлилъ изъ пистолета, тотчасъ заперъ изъ внутри двери, чтобъ въ оную кто нибудь изъ лакѣевъ не вошелъ на выстрѣлъ, для того, что онъ имѣлъ еще работу, и такъ не хотѣлъ, чтобъ ему помѣшали.

Онъ почиталъ Бенстону мертвою, а другимъ пистолетомъ намѣренъ былъ также отправить на тотъ свѣтъ и молодаго Графа: онъ бы сіе конечно исполнилъ, естьлибъ тотъ не предъупредилъ

его,

его, и у него своею шпагою, которую онъ въ скорости обнажилъ, не вышибъ изъ рукъ пистолета. И какъ уже Генрихъ свелъ его съ курка: то зарядъ полетѣлъ въ окошко, а пистолетъ въ другой уголъ горницы. Государь мой Г... говорилъ Графъ, (которой совсѣмъ не зналъ обязательства его съ Бенстоною, за тѣмъ что еще не было мѣсяца, какъ онъ прїѣхалъ въ А....) ежели бы я не имѣлъ щастїя васъ во многихъ знатныхъ обществахъ сего города видѣть и васъ бы не зналъ: то бы я васъ почелъ изъ сего поступка разбойникомъ; когдажъ вы онымъ почесться не можете, то покрайней мѣрѣ должны быть бѣшенымъ! Графъ! Отвѣчалъ Генрихъ, выдернувши свой кортикъ, теперь не время разсуждать, что, или кто я; одинъ изъ насъ долженъ по-

послѣдовать сей лежащей каналѣ, или вы меня умертвите, или я васъ! Графъ имѣлъ тогда 18 лѣтъ, былъ бодръ, живъ, неустрашимъ, искусной фехтмейстеръ. Онъ началъ, и по причинѣ Генриховой ярости долженъ былъ обороняться. Онъ имѣлъ два великїя преимущества предъ своимъ соперникомъ; вопервыхъ онъ лучше бился Генриха; вовторыхъ, его разумъ не былъ помраченъ яростїю и мщенїемъ. Онъ съ начала отводилъ только Генриховы удары, хотя и весьма многїя имѣлъ случаи его поколоть, однакожъ того не хотѣлъ. Онъ только старался его или обезоружить, или утомить; но между тѣмъ получилъ легкую рану въ руку. Едва увидѣлъ онъ свою кровь, то весьма разгорячился. Онъ весьма удобно далъ Генриху очень глубокую рану

въ

вЪ плечо, вышибЪ изЪ рукЪ шпагу и повергЪ его на полЪ. Глупой! говорилЪ ГрафЪ, теперь я могу тебя умертвить; но благодари моему великодушїю, что я тебя по твоимЪ заслугамЪ не наказываю, я не хочу рукЪ моихЪ омочить вЪ крови бѣшенаго. Умертви меня! вскричалЪ ГенрихЪ, я проклинаю твое великодушїе и презираю жизнь, которую получаю отЪ руки моего совмѣстника, похитившаго все мое благополучїе. — ГенрихЪ жестокими своими попреками непременно воздвигЪ бы на себя гнѣвЪ Графа, ежели бы вЪ ту минуту призванной отЪ слугЪ карaулЪ не вошелЪ вЪ комнату, выломивши силою дверь. ОфицерЪ, командовавшїй карауломЪ, узнавЪ высокой чинЪ ГрафовЪ, а вЪ Генрихѣ своего благодѣтеля, вЪ изумленїе пришелЪ отЪ сего явленїя. ОнЪ

 при-

приказалЪ опять заперетЬ двери, что бы народЪ, привлеченной двумя выстрѣлами пистолета, не могЪ туда взойти и послалЪ за лѣкаремЪ. ГенрихЪ отЪ истеченія многой крови впалЪ вЪ обморокЪ, его положили на самую ту кроватЬ, на которой онЪ при своемЪ приходѣ засталЪ Бенстону. ГрафЪ былЪ весьма легко раненЪ, разсказавЪ Офицеру все происходившее, и давши ему слово ничего о томЪ никому не говорить, ушелЪ. Пришедшій лѣкарЬ осмотрѣлЪ сперва Бенстону, нашелЪ, что она не смертельно ранена и болѣе отЪ страха, нежели отЪ раны упала вЪ обморокЪ. КрѣпкимЪ спиртомЪ приведена она была вЪ себя, отведена вЪ особливую горницу и положена на постелю. Генриха нашли отЪ истеченія многой крови почти мертваго. ЛѣкарЬ осмотрѣвЪ

трѣвъ рану, нашелъ, что она не смертельна, онъ ее перевязалъ, и Офицеръ отпустивши свой караулъ, отвезъ Генриха домой въ его каретѣ. Несчастной Генрихъ уже въ полночь прїѣхалъ домой. Луиза уже спала; но только ей сказали, что ея *батюшка* нездоровъ прїѣхалъ домой: то она тотчасъ вскочила съ кровати и одѣвшись въ спальное платье полетѣла къ нему. Она залилась слезами нашедши его въ такомъ ужасномъ состоянїи. Платье его увидѣла обмоченное кровїю, и онъ, казалось, для того только пробужался изъ обморока, что бы впадать въ другой.

Луиза не отходила отъ него цѣлую ночь и оплакивала случай, котораго причины узнать не могла. Она довольно примѣтила, что ея отецъ отвращалъ свой

взоръ отъ нея, когда приходилъ въ себя и когда его глаза встрѣчались съ ея. Сїе весьма ужасало ея сердце. Она замѣтила, что съ нѣкотораго времени родитель ея не весьма тщательно объ ней заботился и не очень ревностно старался о ея содержанїи; но она была столь невинна и добросердечна, что не имѣла на него никакого худаго подозрѣнїя, она приписывала сей поступокъ по большей части досадамъ, происходящимъ отъ торговли. Но какъ сїе отвращенїе ея родителя стало ей весьма примѣтно: то она не могла болѣе сносить чувствуемой отъ того скорьби; она весьма опасалась того, не потеряла ли какимъ нибудь невиннымъ образомъ любви своего родителя, что для нее было величайшимъ нещастїемъ. О! любезной мой и дражайшїй

шій родитель! Начала она жалостнымъ голосомъ, что я сдѣлала, Ахъ! Что сдѣлала ваша нещастная дочь? Чрезъ что она оказалась вашей любви недостойною? Я не могу снесть сихъ ужасныхъ мыслей. Я бы недостойна была болѣе жить, ежели бы оскорбила толь достойнаго родителя! Не отвращайте отъ бѣдной Луизы вашихъ взоровъ, въ которыхъ она полагаетъ все свое щастіе, радость и удовольствіе. Смерть вашу, которая сколь ни ужасна для меня, снесла бы я лучше; но потеряніе вашей любви, ваше отвращеніе скорѣе меня умертвятъ.

Вы можете легко вообразить, любезная моя пріятельница, сколько много могли дѣйствовать сіи, отъ невинности наилучьшаго сердца, такимъ тономъ произнесенныя слова въ душѣ мужа, которой

такъ нѣжно думалъ, какъ Генрихъ. Отъ многаго истеченія крови последовавшая слабость весьма уменьшила его лютость. Его сердце болѣе не плѣнялось недостойною Бенстоною, онъ сталъ опять отцомъ, отцомъ того дитяти, которое онъ по признанію своей совѣсти весьма чувствительно обидѣлъ. Онъ былъ при смерти отъ своей раны, но хотя бы отъ оной и излѣчился, то бы потерялъ жизнь по причинѣ убійства; ибо онъ Бенстону почиталъ мертвою, и зналъ законы своего государства, котораго былъ подданной, и по онымъ учинился преступникомъ. Онъ воображалъ стыдъ, которой причинитъ всей своей фамиліи, и ужасное состояніе, въ которое его дочь, чрезъ него учинившаяся нещастною, ввержена будетъ, когда его преступленіе

по

по законамъ накажется; сїи представленїя страшнѣе ему были самой смерти. И какими неспокойствами и попреками обременено было его сердце!

Луиза между тѣмъ, когда говорила своему отцу, взяла одну его руку. Она прижимала ее къ своему сильно бїющемуся сердцу и омочала оную слезами. Наконецъ Генрихъ началъ говорить томнымъ и отъ вздоховъ прерывающимся голосомъ, закрывши между тѣмъ свои глаза, и выдернувши у нее свою руку; оставь меня! я былъ нѣкогда твой отецъ — было нѣкогда то щастливое время, въ которое я сїе заслуживалъ — Но — теперь я сего не стою — я недостоинъ тебя. — Познай въ томъ, кто былъ прежде твоимъ отцемъ, твоего оскорбителя, познай въ немъ — убїйцу — убїйцу Бенсто-

ны — при сихъ последнихъ словахъ Луиза упала въ обморокъ, и докторъ, желающїй, что бы отъ больнаго все то, что возбуждало сильныя чувствованїя, удаляли, велѣлъ ее вынесть, и не допускать къ своему отцу. Ее отнесли въ ея горницу; мы оставимъ ее тамъ въ обморокѣ, которой продолжался полчаса.

Генрихъ препроводилъ остальное время до дня болѣе въ слабомъ обморокѣ, нежели во снѣ. Докторъ занимался его раною, которая была весьма глубока и повредила жилу; онъ накладывалъ вторую перевяску, какъ вдругъ взошелъ Офицеръ, привезшїй его домой отъ Бенстоны. Онъ принесъ ему радостную вѣсть, что Бенстонъ жива, но только весьма легко ранена, и что она болѣе отъ страху была въ обморокѣ.

Офи-

Офицеръ присовокупилъ еще къ тому, что онъ долженъ былъ репортовать по своей должности о происходившемъ по ночамъ; но какъ дѣло щастливо прошло: то онъ о томъ умолчалъ, и такъ никакого не должно опасаться вреда. Сколь пріятно Генриху ни было сіе извѣстіе, что Бенстонъ жива, однакожъ онъ сожалѣлъ, что такъ легко ее наказалъ. На мѣсто безумной любви заступила вѣчная ненависть, и онъ принялъ намѣреніе ей отмстить и гнать во всю свою жизнь.

Какъ я уже выше объявилъ, что рана Бенстоны была очень легка, то она скоро выздоровѣла, все сіе приключеніе менѣе дѣйствовало въ порочномъ ея сердцѣ, нежели пуля въ плечѣ. Она продолжала распутную свою жизнь, — и тѣмъ еще вольнѣе, что сдѣла-

ласъ отъ сего случая свободною. Сїе приключенїе вскорѣ вездѣ стало извѣстно. Генриховы непрїятели и сродники объ ономъ радовались; а онъ между тѣмъ со дня на день началъ болѣе поправляться. Не возможно было никакъ удержать Луизы. Она еще впервой день почти насильно продралась въ горницу своего отца, и просила на колѣнахъ сего нещастнаго человѣка, чтобы онъ успокоился, руки его омочала своими слезами и оныя стократно цѣловала. Она не хотѣла прежде встать, и перестать его просить, пока онъ ей не дозволитъ при себѣ остаться, и наконецъ съ неописанною радостїю видѣла она, что прїобрѣла опять нѣжность своего родителя, что онъ успокоился и началъ выздоравливать.

Во время Генриховой болѣзни вышеупомянутой Офицеръ весьма ревностно старался около своего благодѣтеля пощечиться. Онъ въ томъ былъ щастливъ. Генрихъ за его смѣлой поступокъ и за то, что онъ о томъ не репортовалъ, подарилъ ему 1000 дукатовъ. Такимъ образомъ сїе дѣло кончилось, и болѣе уже нечего было опасатья.

Генрихъ хотя весьма страстно любилъ Бенстону, однакожъ любовь его превратилась въ великую къ ней ненависть: то сколь должна быть оная велика съ ея стороны. Она его не любила, но только изъ любви къ его деньгамъ соотвѣтствовала его страсти. Онъ въ самомъ дѣлѣ великую часть своего богатства на нее потерялъ, какъ уже самъ послѣ о томъ узналъ, что сїя негодная обманщица во время его

съ

съ нею знакомства стоила ему болѣе 50000 талеровъ. Бенстонъ видя, что Генрихъ болѣе не хотѣлъ ее содержать, но еще всякимъ образомъ старался ее обругать: то клялась, что какимъ бы то образомъ ни было, ему за оное весьма чувствительно отмстить. Генрихъ опять началъ жить по прежнему и болѣе ненамѣренъ былъ щеголять. Все его удовольствїе состояло только въ томъ, чтобъ быть вмѣстѣ съ Луизою.

Въ сїе время Николай Б. . . о которомъ я выше упомянулъ, сдѣлалъ ему предложенїе о бракѣ, что бы дочь его выдать за своего сына Андрея Б. . Но какъ характеръ сего грубаго и непросвѣщеннаго животнаго былъ всѣмъ извѣстенъ: то оное предложенїе Генриху не очень было прїятно; однако

ко онѣ не хотѣлъ вдругъ совсѣмъ отказать, но отвѣчалъ старому дураку, что онъ имѣетъ у себя одну только дочь, которой хорошимъ поведенїемъ былъ до сихъ поръ очень доволенъ и что весьма несправедливо поступитъ, ежели во зло употребитъ отеческую власть, не спросивъ на то ея согласїя, и зная хорошїй разсудокъ своей дочери, постарается ея къ тому склонить, только безъ всякаго принужденїя, оставя сїе склонности ея сердца, и естьли она на сїе предложенїе согласится: то и онъ съ охотою оное приметъ. Б. . ., знавшїй природныя свойства своего сына, и всѣмъ извѣстную добродѣтель Луизы, славою которой отецъ ея не мало гордился, не могъ изъ сего отвѣта ожидать хорошей надежды, ибо онъ легко себѣ могъ предстaвить,

вить, что ежели сїе положено будетъ на выборъ Луизы, то его сыну конечно будетъ отказано. Генрихъ однажды при угодномъ случаѣ открылъ своей дочерѣ оное предложенїе, давши знать, что сколько бы велика была его радость, ежели бы онъ дожилъ до того щастїя, когдабъ увидѣлъ Луизу сочетавшуюся.

Луиза отъ сего предложенїя своего родителя пришла въ смущенїе, она знала молодаго Б. . . видѣвъ его нѣсколько разъ въ компанїяхъ. По наружности его тѣла не моглабы она ничего заключить; ибо онъ былъ въ самомъ дѣлѣ собою очень хорошъ, и можно сказать, что природа въ немъ ничего не забыла. Онъ былъ великъ, пригожъ и прїятнаго лица. Но его нравы и разумъ были въ высочайшемъ степени гнусны. Луиза

за была щастливѣе тѣхъ женщинъ, которыя прельщаются одною наружностію, часто обманывающею; она оную почитала за велико, но ею не плѣнялась. Она имѣла проницательной разумъ, и не легко обманывалась. Она могла изъ разговоровъ и дѣйствій молодаго Андрея узнать негодную его душу. Нравы его показывали, что онъ воспитанъ былъ съ матросами, его рѣчи состояли въ подлѣйшихъ шуткахъ, которыми онъ могъ каждой честной женщинѣ наскучить. Все, что онъ ни дѣлалъ, было глупо; и во всѣхъ его предпріятіяхъ находилась неспособность. При всемъ томъ былъ онъ великой насмѣшникъ, и хулитель всего того, что онъ по глупому своему разуму находилъ нехорошимъ. Таковымъ, какъ я его здѣсь описалъ, знала его Луиза,

и такЪ не удивительно, что она смутилась при предложенїи своего отца, ибо онЪ говорилЪ ей о томЪ важно и не шутя. ГенрихЪ примѣтя ея смущенїе, сказалЪ ей: это дѣло не такЪ поспѣшно, любезная моя дочь, ты можешь столько взять на размышленїе, сколько тебѣ угодно. Я тебѣ вЪ ономЪ не хочу дѣлать никакого принужденїя, но полагаюсь на твой выборЪ. ТутЪ Луиза взяла отцову руку, и оную поцѣловавЪ, сказала: АхЪ! любезной мой батюшка, ежели вы столько снисходительны, что полагаетесь вЪ этомЪ на мой выборЪ: то не надобно никакого размышленїя. Вы знаете молодаго Б. . . я лучше соглашусь вѣчно не выходить за мужЪ, нежели пойти за такого несноснаго и негоднаго человѣка. И такЪ естьли вы любите свою Луизу,

то

то сдѣлайте милость, не будемъ больше думать о семъ бѣднякѣ. Такъ, любезная моя дочь, ты справедлива, я на то согласенъ. Я бы конечно долженъ былъ тебя ненавидѣть, естьли бы жертвовалъ тобою скупости старика и ни къ чему годному юношѣ. Намѣренія старика болѣе клонятся къ приданому. Юноша же столько глупъ, что не имѣетъ никакихъ намѣреній. Я нынѣ съ старымъ Б. . . увижусь и ему въ томъ откажу.

Генрихъ сіе дѣйствительно и исполнилъ въ тотъ же самой день, отговариваясь учтиво молодостію Луизы, и что онъ не скоро желаетъ съ ней растаться! Старой купецъ столько имѣлъ хитрости, что не показалъ Генриху своей досады, отъ того чувствуемой, но сказалъ ему съ непринужденнымъ равнодушіемъ: такъ я долженъ

 ста-

стараться найти моему сыну другую невѣсту. Но внутренно его сердце терзалось злостїю и досадою. Онъ почиталъ сей отказъ за непростительную обиду, и клялся за оную отмстить, но въ самомъ дѣлѣ истинная причина гнѣва была та, что его надежда, сдѣлать сына своего наслѣдникомъ Генрихова имѣнїя, была уничтожена. Сїе произшествїе не долго было неизвѣстно; молодой Б. . . по глупости своей самъ оное разглашалъ и утверждалъ, что его отецъ и онъ вознамѣрились за оное отмстить. Бенстонъ была не послѣдняя, сїе услышавшая, и она положила сей случай употребить на удовольствованїе своего мщенїя. Сколько много до сего времени Б. . . ни старался понравиться сей дѣвицѣ; но онъ никогда не достигалъ своего намѣренїя,

ренія, частію по причинѣ своихъ весьма грубыхъ поступокъ, а больше для того, что скупость его отца мало ему доставляла денегъ, что бы ради ея корыстолюбія открыть къ ней свободной доступъ. А теперь подавала она ему сама случаи, о которыхъ онъ и не думалъ. Столь велико было ея мщеніе, что она позабывъ собственную свою выгоду, дала ему за одно письмо довольное число денегъ, вмѣсто того, что бы ей съ другихъ получать и его, чего онъ и не ожидалъ, въ число своихъ любовниковъ присовокупила. Бенстонъ было хитрѣйшее твореніе, что изъ послѣдующаго можно увидѣть; ея разумъ исполненъ былъ выдумками и хитростями, а ея сердце столь было злобно, что все въ состояніи было исполнить. Она ска-

зала молодому повѣсѣ, котораго глупости всегда смѣялась, что она имѣетъ равное участїе въ поруганїи, причиненномъ ему отъ Генриха Г. . . . И изъ любви къ нему принуждена взять такоеже участїе и въ его мщенїи и дать ему нѣкоторыя къ тому средства, естьли только онъ будетъ молчаливъ и никому объ томъ не скажетъ, что она ему откроетъ. Б. . . обѣщалъ все, и клялся ужасно, что онъ ниодного слова никому не откроетъ. Потомъ Бенстонъ ему говорила, что она знаетъ весьма удобное средство, какъ отмстить чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбителю; но сїе средство не прежде произведено быть можетъ, пока его отецъ не будетъ держать ихъ сторону. Егоже къ тому склонить малаго стоитъ труда, для того, что

отъ

отъ погибели Генриха долженъ онъ ожидать себѣ великаго прибытка.

Б. . . , знавшїй скупость своего отца, почиталъ сїе не труднымъ, и что бы оное получить, клялся ничего не щадить. Пришедши домой тотчасъ пошелъ къ отцу. Онъ нашелъ его въ кабинетѣ, и будучи съ нимъ только одинъ, объявилъ ему все то, что ему Бенстонъ ни говорила. Хотя отецъ его никакого не имѣлъ обхожденїя съ сею дѣвкою, и не зналъ ее коротко, однакожъ ему понравилось предложенїе его сына и онъ хвалилъ его ревность, что столько старается объ отмщенїи оскорбленной своей чести. И какъ онъ былъ во всемъ недовѣрчивъ, то велѣлъ своему сыну никому о томъ ничего не говорить, пока дѣло совершенно не разберетъ; ибо на такую женщину, какова Бен-

стонъ, не должно совсѣмъ полагаться. По нѣкоторомъ размышленiи онъ скоро согласился на предложенiе Бенстоны, для того, что отъ исполненiя ея намѣренiя будетъ ему великая прибыль. Онъ велѣлъ призвать своего сына и приказалъ ему Бенстону склонить къ тому, что бы она въ вечеру въ десятомъ часу къ нему пришла, такъ чтобъ ее никто не узналъ, онъ съ нею обо всемъ хочетъ переговорить. Бенстонъ приняла сiе предложенiе весьма охотно. Она велѣла принести себѣ платье, какое носятъ его служанки, и пошла въ назначенное время въ домъ Б. . . гдѣ ея встрѣтилъ молодой Б . . . и проводилъ въ горницу своего отца, такъ, что никто ея не примѣтилъ. Тутъ оставимъ мы ихъ на нѣсколько времени между собою

бою уговариваться, и выдумывать дьявольскія хитрости, которыхъ исполненіе причинитъ совершенную погибель бѣдному Генриху, также невинной и сожалѣнія достойной Луизѣ.

Генриховы обстоятельства находились въ сіе время весьма въ худомъ состояніи; содержаніе Бенстоны стоило ему великой суммы, что бы ничего не значило, естьли бы онъ въ три послѣдніе годы, когда жилъ съ сею змѣею, не былъ ею столько ослѣпленъ, что совсѣмъ не радѣлъ о своемъ торгѣ. Его корреспонденты были изъ его людей и какъ онъ мало за ними смотрѣлъ: то они ему весьма великой убытокъ причиняли. Повѣренные и сидѣльцы весьма его обманывали; при семъ еще и наружное нещастіе его постигло. Въ тожъ время палъ одинъ

знатной домъ, на которомъ было Генриховыхъ 200000 талеровъ, которыя совсѣмъ пропали. Онъ примѣтилъ скоро свою погибель, когда пробудился отъ сна, причиненнаго ему его сластолюбїемъ. Онъ увидѣлъ во всемъ великой недостатокъ, и что бы ему не притти въ упадокъ, долженъ былъ употребить великїя старанїя. Онъ отрѣшилъ невѣрныхъ своихъ слугъ и на ихъ мѣста опредѣлилъ другихъ; надъ всемъ самъ надсматривалъ и старался какъ возможно никому въ долгъ не вѣрить, такимъ образомъ великимъ своимъ раченїемъ привелъ опять все въ порядокъ. Однакожъ онъ при всѣхъ сихъ убыткахъ почитался еще богатымъ. Генрихъ, когда уже у него жаръ молодости простылъ, и оставилъ пышность и пристрастїе, началъ жить хорошо,

рошо; спокойствїе въ его сердце опять возвратилось, и онъ бы былъ щастливъ, естьли бы никогда не зналъ Бенстоны.

Это весьма справедливо, что всякой порокъ ведетъ за собою наказанїе, и имѣетъ непрїятныя и ужасныя слѣдствїя. Генрихово обхожденїе съ Бенстоною было пагубнымъ источникомъ всѣхъ его нещастїй. Хотя многїе застарѣлыя въ порокахъ не получаютъ другаго наказанїя, кромѣ угрызенїя ихъ собственной совѣсти, которое наказанїе почитаю я оченъ немалымъ; но по большой части открываются ихъ пороки, и служатъ нравоучительнымъ примѣромъ, что мы и увидимъ изъ слѣдующаго.

Теперь я приступаю, моя дражайшая, къ самому печальному мѣсту моей повѣсти. Вы увидите

жалкія перемѣны, и будутъ вамъ представляться одни только нещастія. Не думайте болѣе о богатомъ Генрихѣ; но представте его нищимъ, претерпѣвающимъ во всемъ недостатокъ, и не имѣющимъ у себя ничего — а бѣдною невинную Луизу — но приступимъ къ самому повѣствованію.

Адскія намѣренія Бенстоны были произведены въ дѣйство и имѣли пагубныя слѣдствія. Я еще вамъ не объявлялъ, въ чемъ состояло проклятое предпріятіе Бенстоны и двухъ ея сообщниковъ. Времени еще не было объ нихъ говорить, теперь я вамъ оныя открою.

Претерпѣнной Генрихомъ великой убытокъ въ его торговлѣ, былъ ей извѣстенъ; отпущенныя Генриховы люди оное разгласили, и что бы болѣе ему тѣмъ отмстить,

мстить, болѣе его и увеличили. Одинъ злобной молодой человѣкъ, которой управлялъ всею корреспонденцїею Генриховою, и котораго онъ такъ же отрѣшилъ, былъ по совѣту Бенстоны принятъ въ службу къ старому Б. . . . Его склонили на свою сторону великими обѣщанїями, обнадеживая собственнымъ его щастїемъ; онъ долженъ былъ писать по приказу своего господина, только не на его имя, во всѣ тѣ домы, съ которыми Генрихъ имѣлъ торгъ, о его паденїи, чтобъ ихъ въ томъ предупредить. Всѣ сїи письма были написаны разными руками и имѣли разныя содержанїя. Съ нѣкоторыми знатнѣйшими изъ тѣхъ домовъ также имѣлъ связь и старой Б. . .; и дѣло было такъ хитро произведено, что они прислали къ нему письма и спрашивали,

вали, правдали то, что говорятъ о Генриховомъ паденiи? То старой Б... отвѣчалъ имъ или лучше Бенстонъ чрезъ него: „ что
„ Генриховъ торгъ по сказкамъ
„ собственныхъ его людей находится въ великой растройкѣ,
„ и что онъ великой другъ сему
„ человѣку, и не желаетъ ему
„ сихъ худыхъ слѣдствiй. Однакожъ онъ увѣдомился, что при
„ паденiи одного извѣстнаго дома
„ претерпѣлъ Генрихъ убытку
„ 400000 талеровъ, но въ томъ
„ совершенно не увѣряется. Впрочемъ Генрихъ уже нѣсколько
„ лѣтъ сдѣлался нерадивымъ въ
„ своей торговлѣ, предался своимъ
„ страстямъ и совсѣмъ положился на своихъ людей, отъ чего
„ конечно не можно ожидать хорошихъ слѣдствiй, чего хотя
„ онъ не желалъ и не надѣялся.

„ Впро-

„ Впрочемъ они хорошо сдѣлаютъ, „ ежели положатся на пословицу: „ провидѣнїе можетъ исправить. „ Сей умышленной отвѣтъ сдѣлалъ желаемой успѣхъ. Извѣстїе перешло въ половину Европы ; и какъ всякой слухъ ходитъ съ прибавкою, то тоже сдѣлалось и при семъ случаѣ. Бѣдной Генрихъ непредвидѣвшей онаго къ своему нещастїю, вдругъ получилъ такое множество векселей на свое имя, что на заплату оныхъ не доставало всего его имѣнїя. Всѣ его пожитки описали, а ему и невинной его дочери не оставили ничего.

Я не знаю, любезная моя прїятельница, правильно ли я описалъ сїе дѣло. Я въ томъ, что называется банкрутъ, и о точныхъ онаго обстоятельствахъ не извѣстенъ. И не знаю порядка, какой купцы при семъ случаѣ наблю-

блюдаютЪ; сверхЪ того, когда мнѣ покойная Луиза разсказывала сїю исторїю; то я не думалЪ, что буду ее писать, а то бы я у ней о семЪ распросилЪ обстоятельнѣе. ВпрочемЪ сей случай столь былЪ для нее печаленЪ и бѣдственЪ, что сЪ великою поспѣшностїю обЪ ономЪ разсказывала. Все дѣло состоитЪ вЪ томЪ только, что ГенрихЪ былЪ совершенно раззоренЪ, и ничего не спасЪ. Хотя его сродники были весьма богаты, и могли бы ему помочь; но они столь на него разсердились, что еще искали совершенно его погибели. Сей добродѣтельной и постоянной мужЪ не могЪ пережить нещастїя, случившагося ему при всей его честности, вЪ которое онЪ привелЪ любезную и невинную свою дочь кЪ неизрѣченному мученїю

сво-

своего сердца. Онъ чрезъ 8 мѣсяцовъ, проводивъ оное время въ самыхъ бѣдныхъ обстоятельствахъ, имѣя столь богатыхъ сродниковъ, умеръ съ печали и бѣдности въ объятіяхъ своей Луизы, которая ему одна осталась вѣрною, и его враги торжествовали. Послѣдній его взоръ, которой онъ умирая обратилъ на свою дочь, былъ сопровождаемъ слезами, и его послѣднее слово было — Бенстонъ!

Я не въ состояніи описать вамъ того сожалѣнія, которое Луиза чувствовала при лишеніи такого отца, котораго она любила какъ свою душу, и котораго не взирая на прежнія его преступленія, всегда почитала. Я вамъ только скажу, что она закрывъ ему глаза, похоронила такъ, какъ могла.

Но

Но представте себѣ дѣвицу, которая выросла въ изобилїи, отмѣнно была воспитана, которая наслаждалась всѣми возможными увеселенїями, представте, говорю, сїю дѣвицу, приведенную въ величайшую бѣдность, имѣющую во всемъ недостатокъ, безъ денегъ, безъ прїятелей, безъ помощи, безъ защиты. Будете ли вы удивляться, когда я вамъ скажу, что сїя дѣвица въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, въ такомъ состоянїи, при такихъ обстоятельствахъ, впала въ отчаянїе. Кто при такихъ поразительныхъ ударахъ останется твердъ, тотъ долженъ болѣе обыкновеннаго имѣть мужества, но Луиза при семъ случаѣ осталась такою. Не объявлялъ ли я вамъ въ началѣ моей исторїи о сердцѣ сея почтенїя достойной женщины? Теперь доказала она при-

примѣрѣ величїя онаго. Но въ послѣдствїи вы увидите еще большїя доказательства, которые подтвердятъ то, что я вамъ объ ней не говорилъ; ибо отъ сего времени была она безпрестанно гонима нещастїемъ, она испытала всѣ тѣ удары, кои были ей изготованы. Луиза была изъ числа смертныхъ, она имѣла человѣческое, но притомъ нѣжное сердце, слѣдовательно невѣроятнобъ было, естьли бы я сказалъ, что она равнодушно сносила свое нещастїе; она чувствовала великую печаль, а особливо когда размышляла о будущемъ; но въ ономъ никакъ не отчаевалась. Препоручивъ себя Божїю провидѣнїю, и ставъ на колѣни, со слезами просила Бога о утѣшенїи ея въ нещастїи, и чтобъ онъ ее вывелъ изъ Лабиринта, въ которомъ она находи-

ласъ. Какъ она до сего времени имѣла жизнь невинную и добродѣтельную: то не могла почитать случившееся ей нещастїе за наказанїе, сїе утѣшало ея невинность, а упованїе на благость и премудрость Божїю вложило въ ея уязвленное сердце цѣлительной бальзамъ, и произвело въ ея страждущемъ духѣ такое утѣшенїе, что она почувствовала великое облегченїе отъ угнѣтающщаго ее нещастїя. Въ одинъ день сидя она съ заплаканными глазами и чувствуя великую печаль въ сердцѣ, щитала оставшуюся малинькую свою сумму. Что, ежели я ее издержу, говорила она къ себѣ, и болѣе ничего не буду имѣть, то гдѣжъ я возьму? — Хотя Богъ, мой отецъ и милосердъ, но для меня не сдѣлаетъ чуда; — но я могу работать, я могу дѣлать

штуч-

штучки — но я никого не знаю — я ни одного не имѣю прiятеля — кто мнѣ дастъ работу и гдѣ я ее найду? Мои сродники . . ., къ нимъ я не смѣю показаться, они меня будутъ презирать — окончавъ сей сама съ собою разговоръ и отъ великой печали погрузившись въ размышленiе, вздумала наконецъ о старой своей нянькѣ добродѣтельной Елеонорѣ, она въ семъ мнѣнiи утвердилась. Елеонора добродѣтельна, говорила она, я знаю ея сердце, она меня утѣшитъ, и покажетъ мнѣ средства продолжать безпорочно жизнь. Тотчасъ осушила она свои глаза, и вознамѣрилась итти къ ней. Елеонора, какъ скоро Луизѣ минуло двенатцать лѣтъ, вышла за мужъ за Герна, одного изъ Генриховыхъ служителей. Генрихъ обоихъ ихъ за вѣрныя ихъ услуги щедро на-

градилЪ. ОнЪ отпустилЪ ихЪ отЪ себя, и подарилЪ каждому по 500 талеровЪ. Луиза подарила любезной своей нянькѣ при прощаньѣ коробочку, вЪ которой былЪ ея портретЪ, осыпанный брилїантами, и еще 50 дукатовЪ. Сими деньгами оба сїи вѣрныя служители отошедши отЪ нихЪ, завели малинькой торгЪ, которымЪ ГернЪ весьма хорошо управлялЪ, и купили себѣ домикЪ вЪ отдаленной части города. Тому уже прошло почти четыре года, какЪ Елеонора вышла за Герна, и хотя не богаты были, но жили очень порядочно. Они имѣли одну маленькую дочь, при воспитанїи которой Елеонора безпрестанно думала о Луизѣ Г. . . которой и имя имѣла сїя дѣвочька; она намѣревалась столькоже украсить ея сердце, какЪ и оныя. МужЪ ея былЪ хоро-

хорошаго нраву, онъ былъ чистосердеченъ, тихъ, должность свою отправлялъ какъ надобно, и любилъ свою Елеонору. И какъ они далеко отъ городу жили, то рѣдко въ немъ бывали. Гернъ во время Генрихова паденія отъѣхалъ на нѣсколько времени; а его жена была нездорова: и для того они объ ономъ ничего не знали.

Это уже было въ шестомъ часу въ вечеру, какъ Луиза вошла къ Елеонорѣ. На ней было такое простое платье, какое носятъ обыкновенно служанки, ибо у ней ничего не осталось изъ хорошихъ ея уборовъ, однако оно было чисто и опрятно, и придавало прекрасному ея тѣлу величественной видъ. Отъ нещастія, печали и великихъ заботъ едва остались слѣды прекраснаго ея лица. Блескъ ея очей отъ многихъ слезъ померкъ; она была

слаба и блѣдна: она вошла въ горницу къ Елеонорѣ, которая была съ маленькою своею Луизою. Какъ скоро Луиза ее увидѣла, то тотчасъ бросилась къ ней на шею: но ея сердце столь много билось, что она не могла выговорить ниодного слова: и какъ Елеонора ее въ семъ платьѣ и при такой перемѣнѣ ея лица не узнала, то старалась отъ нее освободиться и узнать причину рѣдкаго сего приключенїя; какъ скоро Луиза пришла въ себя: то начала говорить. О! любезная моя Елеонора, вѣрнѣйшая моя прїятельница! ты хочешь у меня вырваться? Не ужели я болѣе не твоя Луиза, твоя дочь? Не ужели нещастїе у меня и тебя похитило? О! сжалься надъ нещастною, невинною, никакой помощи неимѣющею дѣвицею, которая имѣла нѣкогда

когда щастїе отъ тебя быть любимою. Сей знакомой голосъ, вывелъ ее изъ удивленїя, дабы въ большее ввергнуть иступленїе. Небо! Вскричала она, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, и протирая себѣ глаза, что я вижу! — Это вы, сударыня, это вы Луиза Г. . .? — Нѣтъ — но, Боже! Какое ужасное подобїе въ сихъ хотя померклыхъ взорахъ — какое сходство голоса. — Однако — Сїе платье — Сїе томное лице — Сїи глаза исполненныя печали — Какъ можетъ все сїе случиться съ Луизою Г. . .? О! дражайшая моя Елеонора! Вскричала Луиза подошедши къ ней, я Луиза, я та нещастная, низверженная Луиза Г. . . . Сїя ужасная перемѣна, въ которой ты меня видишь, и которая видно тебѣ неизвѣстна, есть слѣдствїемъ нещастїя, въ

 кото-

котором я невинна, и котораго не могла избѣжать; оно сдѣлало перемѣну в моем лицѣ и состоянїи; но того сдѣлать не могло, что бы я перестала быть Луизою Г.. Я в восемь мѣсяцов испытала всѣ печали и чувствовала всѣ душевныя болѣзни; но я не совсѣм буду нещастна, естьли найду в Елеонорѣ прежнюю мою прїятельницу, которая у меня одна только осталась на свѣтѣ. — В то время, когда Луиза сїе говорила, изумленїе Г. Герны перемѣнилось в великое сожалѣнїе. Она заключила Луизу в свои объятїя, и не могши говорить ни одного слова проливала только слезы.

Послѣ первых движенїй сожалѣнїя и пролитїя слез, получив Луиза облегченїе, начала разсказывать Гжѣ. Гернѣ все, что

вѣ ихѣ домѣ ни происходило, и кончивѣ свою повѣсть, просила свою пріятельницу, что бы она дала ей совѣтѣ, какимѣ образомѣ продолжать свою жизнь. Госпожа Гернѣ сѣ истиннымѣ чистосердечіемѣ оказавѣ ей свое сожалѣніе, заключила опять ее вѣ свои объятія. Прежде я не смѣла называться тѣмѣ именемѣ, которое вы отѣ меня требуете. Теперь вы уже нещастливая Луиза Г. . .; вы не имѣете ни отца ни матери, вы бѣдны; однакожѣ мое почтеніе чрезѣ сіе кѣ вамѣ не уменшится; позвольте мнѣ называть маленькую мою дочь вашимѣ именемѣ, я сіе сочту за великое благодѣяніе. Всемѣ, что мы ни имѣемѣ, я и мой мужѣ обязаны вамѣ и вашему родителю. Повелѣвайте онымѣ какѣ собственнымѣ вашимѣ, мы сочтемѣ себя щастливыми,

 что

что можемъ вамъ въ теперешнемъ вашемъ состоянiи онымъ служить. Вы будьте полною повелительницею въ семъ малинькомъ домикѣ. Дозвольте мнѣ при васъ заступить прежнее мѣсто, называйте меня опять любезною Елеонорою! и будьте ко мнѣ и моему мужу благосклонны. Его теперь нѣтъ дома; но я совершенно увѣрена, что и онъ тоже сдѣлаетъ — Боже! Любезная Елеонора! Сколь много ты своимъ великодушiемъ терзаешь мою душу! Возможноли, что бы такое сокровище обитало между людьми, которые по большой части и самыхъ свирѣпыхъ звѣрей въ жестокости превосходятъ? Нѣтъ! Дражайшая моя прiятельница! таками предложенiями ты не должна сердце нѣжной твоей дочери раздирать. Удержи у себя все, что

ты ни имѣешь, какъ благословенiе неба, и какъ награжденiе за вашу добродѣтель; и когда ты меня любишь, то не говори впредь того, что сердце мое разрываетъ на части. Естьли ты хочешь сдѣлать мнѣ милость; то дозволь жить мнѣ въ тихомъ и малинькомъ твоемъ домикѣ, и доставь мнѣ средство снискивать пропитанiе своими руками, подкрѣпляй меня своими совѣтами, и наставляй меня своими ученiями на путь добродѣтели; я буду за тебя молить Бога и прославлять его и твою милость. Сей былъ Луизинъ отвѣтъ. Великодушiе противъ великодушiя. Два сердца стоющiя другъ друга.

Госпожа Гернъ увидя, что она въ семъ случаѣ своимъ добродушiемъ ничего не можетъ произвесть, обѣщалась ей во всемъ поступать

по

по ея желанїямъ. Она утѣшала ее, сколько ей возможно было; и принудивъ ее принять нѣкоторое отдохновенїе, ибо уже было поздо, отвела ее въ малинькую, но порядочно убранную горницу для успокоенїя, и какъ оное Луизѣ по претерпѣнїи такихъ безпокойствъ было нужно; то она тотчасъ ее оставила; но вдругъ непредвидимое обстоятельство нарушило ея спокойствїе! Едва она поставила свѣчьку на малинькой столикъ, стоящїй противъ дверей, то увидѣла портретъ, висящїй надъ ними. Сколь тяжко было на него воззрѣнїе, когда она въ ономъ узнала портретъ своего отца, которой госпожа Гернъ позабыла снять! Сей взоръ возобновилъ въ ней опять всѣ прежнїя обстоятельства съ большею жестокостїю. Она видитъ его здѣсь въ щаст-

щастливомъ состоянїи, бодраго, съ смѣющимся и довольствїе показывающимъ видомъ; но вспомнивъ его умирающа и въ самомъ бѣднѣйшемъ состоянїи съ тѣмъ печальнымъ лицемъ, на которомъ можно было увидѣть слѣды великаго отчаянїя и скорьби. — Она мнѣ сказывала, что сїя ночь была мучительнѣйшая и ужаснѣйшая изо всѣхъ прежнихъ. Ибо она нещастїемъ приведена была въ нѣкоторой родъ нечувствительности и къ которому почти привыкла. Она проплакала всю ночь безъ утѣшно. Предъ утромъ, по долгой молитвѣ, пролїянной ею къ Богу, нѣсколько утихла и скоро потомъ заснула. Она не прежде проснулась, какъ уже госпожа Гернъ постучалась у ея дверей, и это было въ десятомъ часу. Она тотчасъ проснулась, вышла

и

и передъ ней извинялась, что такъ поздо встала. Госпожа Гернъ тотчасъ догадалась о своей ошибкѣ, что не сняла объявленной портретъ, прежде нежели отвела въ оную горницу свою гостью. Я, говорила она; велѣла своему мужу списать сей дорогой для насъ портретъ, дабы мы при воззрѣніи на него всегда помнили о нашемъ благодѣтелѣ и никогдабъ не забывали нашей къ нему благодарности. Но теперь мы имѣя дѣйствительное напоминовеніе всего того, чѣмъ мы наслаждаемся у себя въ домѣ, поставимъ его въ другое мѣсто, а чтобъ оное не забыть, то я теперь же его сниму. Луиза благодарила ее за сію нѣжную осторожность и просила, чтобъ его тамъ оставить; однако она по возвращеніи своемъ въ ту горницу

ницу болѣе его тамъ не нашла. Обѣ сїи достойные женщины разсуждали, что должно начать дѣлать Луизѣ. Госпожа Гернъ просила ее, естьли ей угодно, принять участїе въ малинькомъ ихъ щастьѣ, и все свое старанїе къ тому употреблять, что бы возвратить прежнее спокойствїе и поправить свое здоровье; но великодушная Луиза стояла въ томъ, что или въ ихъ домѣ своими трудами доставать себѣ хлѣбъ, или, естьли же не будетъ къ тому средствъ, подъ другимъ именемъ итти въ служанки. Госпожа Гернъ хвалила ея ревность къ трудамъ. По разнымъ предложенїямъ вспомнила она искувство Луизы въ дѣланїи разныхъ штучекъ, и я знаю, мой Ангелъ, что вы оные совершенно умѣете дѣлать. Молодой купецъ П . . . производитъ

дитЪ ими хорошїй торгЪ, онЪ за нихЪ щедро платитЪ, и мой мужЪ его очень знаетЪ. Сей купецЪ спрашивалЪ у него много разЪ, не знаетЪ ли онЪ гдѣ такихЪ сыскать, Не безпокойтесь о сей работѣ, вы вЪ оной не будете имѣть никакого недостатка, какЪ только скоро мой мужЪ прїѣдетЪ; и я думаю, что онЪ недѣли черезЪ три будетЪ. Луиза сЪ радостїю приняла сїе предложенїе и это была ей послѣ смерти ея родителя первая радость, которую она чувствовала. Она за оное благодарила Елеонору наичувствительнѣйшимЪ образомЪ, и получила отЪ нее новыя увѣренїя вѣчной преданности. Госпожа ГернЪ потомЪ просила позволенїя у Луизы, на одинЪ часЪ отлучиться за важнымЪ дѣломЪ: а ей оставила вЪ товарищи малинькую свою дочь,

весь-

весьма учтивую дѣвочку, которой было четыре года. Луиза Г . . . находила въ ней единственное свое утѣшенїе, и она препровождала съ ней все свое время, когда только ничего не дѣлала. Сїе малинькое дитя уже выучило нѣсколько Французскихъ словъ, которые едва начинало лепетать. Госпожа Гернъ передъ обѣдомъ пришла домой, и дружески гостью свою приглашала къ столу; пища была обыкновенная, и хорошая, и Луиза Г . . . ѣла тогда аппетитно, въ первой разъ съ долгаго уже времени.

Послѣ обѣда Госпожа Гернъ отвела Луизу въ другую комнату, и взявъ ее за руку, говорила слѣдующее: и такъ вы вознамѣрились, любезная моя дочь, дѣлать разные штуки, и знаете, что къ оному потребна не малая сумма.

 Но

Но вы, я думаю, имѣете недостатокъ въ деньгахъ. Я это знаю, что вы мои средства къ тому не будете отвергать; и такъ я нѣчто хочу здѣлать и прошу въ томъ меня извинить. „ Я думаю, „ вы можете вспомнить, что вы „ мнѣ, когда я отъ васъ от„ходила, подарили коробочку и 50 „ дукатовъ: портретъ изъ той „ коробочки я удержала у себя, и „ никогда его изъ рукъ моихъ не „ выпущу; но самую коробочку и „ бриліанты я продала, и по„лученные за оные деньги и съ „ 50 дукатами составляютъ 400 „ талеровъ. Сіи четыре ста тале„ровъ, любезнѣйшая моя пріятель„ница, должны вы или безъ „ всякихъ отговорокъ отъ меня „ принять, или никогда нещи„таться моею пріятельницею. „ Мужъ мой о сей коробочкѣ и

„ день-

,, деньгахъ ничего не знаетъ, да
,, хотя бы и зналъ, то бы и онъ
,, сїе подтвердилъ. Употребите
,, оные деньги на ваши покупки и
,, я нынѣчежъ постараюсь достать
,, вамъ лучшее платье. ,, Луиза во
время сихъ словъ была въ смущенїи. Она великодушїемъ сея
женщины весьма была тронута.
Наконецъ госпожа Гернъ, не
давъ ей говорить, принуждала
ее на объявленныхъ условїяхъ
взять деньги, и не позволяла никакъ себя за то благодарить. Въ
четвертомъ часу пришелъ разнощикъ съ разными товарами, за
которымъ госпожа Гернъ посылала;
Луиза выбрала себѣ матерїи, и
чрезъ три дни показалась, хотя
не въ драгоцѣнномъ, но въ хорошемъ одѣянїи. Потомъ она закупила все потребное къ штучькамъ, и начала свою работу, въ

 кото-

которой имѣла щастливой успѣхъ. Вольныя свои часы препровождала она съ малинькою Луизою. Она исправляла ея нравы и учила лепетать по Французски.

И такъ Луиза Г. . . получила опять спокойствїе, котораго она на долго была лишена. По малу становилась она лучше, возвращенное ея спокойствїе души являлось также и на ея лицѣ. Ея глаза были оживлены новымъ огнемъ и на щекахъ началъ опять играть румянецъ, бывшїй во время щастливыхъ ея дней весьма удивительнымъ.

Удивляйтесь! и прославляйте со мною, любезная моя прїятельница! Премудрость и благость Всемогущаго Творца, изготовившаго изъ собственныхъ денегъ Генриха во время щастливыхъ его дней Луизѣ прибѣжище, въ которомъ она не

не малое время отъ нападенія нещастій была безопасна. Это справедливо, что нещастныя не всегда бываютъ нещастными! Премудрость Божія во всѣхъ случаяхъ является! Перемѣна въ щастіи и нещастіи столько людямъ нужна, какъ голодъ и насыщеніе! Непрерывное благополучіе не есть щастіе; но чрезъ нещастіе становится оно пріятнѣе; а непрерывно продолжающееся нещастіе ослабляетъ силы душевныя.

Гернъ наконецъ въ назначенное отъ себя время возвратился домой, и столько же былъ тронутъ печальною судьбою Луизы, какъ и его жена; онъ подтверждалъ все словами и сердцемъ, что ей Елеонора ни говорила. Луиза перемѣнивъ свое имя назвалась дѣвицею Риттеръ, и подъ симъ именемъ почиталась сродницею госпожи

Гернъ. Она продолжала свою работу. Первую штучьку, которую она сдѣлала на пробу и на обумъ, Гернъ понесъ продать купцу П. . . Купецъ ее разсматривалъ, и не могъ удержаться, что бы не хвалить въ присудствïи Герна искуство и превосходство работы. Онъ спрашивалъ его, какой мастеръ ее дѣлалъ: Гернъ ему сказалъ, что это дѣлала одна молодая женщина именемъ Риттеръ, сродница его жены. Онъ весьма щедро заплативъ за оную, просилъ Герна и впредь къ нему такïя носить. Съ часъ спустя послѣ Герна Принцесса фонъ. . . пришла къ П. . . Купецъ между прочими товарами показалъ и принесенную штучьку; Принцесса хотя ее и не купила, но сказала ему, что она какъ скоро прïѣдетъ домой, то пришлетъ ему образецъ,

зецъ, сдѣлать такой же работы штучку. Она къ нему оной прислала. П. . . . въ тотъ же день послѣ обѣда послалъ своего слугу къ Герну, и приказалъ его просить завтра поутру около десятаго часу съ дѣвицею Риттеръ къ себѣ, ибо онъ имѣетъ дать ей работу, о коей самъ хочетъ съ нею переговорить. П. . . имѣлъ тогда 27 лѣтъ, собою былъ пригожъ, хорошо воспитанъ, весьма учтивъ и очень богатъ. Отецъ его умеръ за два года передъ симъ и онъ продолжалъ весь его великой торгъ. Впрочемъ былъ онъ великодушенъ, сожалителенъ, милостивъ и чистосердеченъ. Какъ до его дома далеко было: то Гернъ взялъ коляску и поѣхалъ въ опредѣленное время съ Луизою Г. . . въ городъ, и какъ они пріѣхали, то отвели ихъ во внутрен-

тренніе покои, весьма великолѣпно украшенныя. Луиза вспомнивъ при семъ первое свое состояніе, и при семъ напоминовеніи едва могла удержать слезы. И какъ скоро купецъ вышелъ къ нимъ въ комнату, то П. . . . изумился при первомъ взглядѣ на такую любви достойную красавицу, какой онъ еще никогда не видывалъ; но онъ умѣлъ опять скоро опомниться. Государыня моя, говорилъ онъ ей, я васъ велѣлъ къ себѣ попросить за тѣмъ, чтобъ поручить вамъ нѣкоторую работу, къ отдѣланію которой потребна столь искусная рука, какова ваша. Принцесса Фонъ . . . вчера видѣла вашу работу и оставила сей образецъ. И какъ сія штучька должна сдѣлана быть весьма чисто, то я вамъ не назначаю времени, и обѣщаюсь дать хорошую плату. Между тѣмъ

П. . . не спускалъ глазъ своихъ съ Луизы, и хотя въ его сердцѣ происходили движенія, несоотвѣтствующія его чести; однако онъ говорилъ съ такою учтивою скромностію, и съ такимъ плѣняющимъ видомъ, что невинная дѣвица начала имѣть къ нему нѣкоторой родъ довѣренности. Она отвѣчала на всѣ его вопросы такъ, что П. . . ею плѣнился, и забывъ небогатое ея платье, говорилъ съ нею какъ съ знатною дамою. Онъ находя въ ея разговорахъ великое удовольствіе продержалъ ее у себя цѣлой часъ, и вѣрно не подумалъ бы объ томъ, что бы ее отпустить, естьли бы она сама не попросила на то позволенія. Онъ проводилъ ее до коляски, и съ великимъ почтеніемъ съ ней простился. Невинная и кроткая дѣвица не думала, что

она

она учинила надъ нимъ побѣду. П. . не былъ женатъ; но онъ содержалъ съ нѣкотораго времени одну женщину, которой прекрасное лице побѣждало его добродѣтель и его кошелекъ. Луизинъ взоръ и учтивство сдѣлали въ сердцѣ его такое впечатлѣніе, которому онъ самъ удивлялся. Образъ ея безпрестанно представлялся предъ его глазами, онъ долженъ былъ симъ въ себѣ признаться, что онъ ее любитъ, что онъ ее въ первой разъ въ жизни полюбилъ, и что онъ прежде не зналъ чистой и прямой любови. Что бы нѣсколько поразгуляться, пошелъ онъ въ кафейной домъ обѣдать. Тутъ нашелъ довольное общество. Онъ былъ такъ примѣтно задумчивъ, что нѣкоторые изъ его пріятелей спрашивали его, не дома ли онъ оставилъ свою веселость?

лость? Онъ отвѣчалъ имъ на сїе хладнокровно, и жалуясь на головную болѣзнь, пошелъ домой. Но его спокойствїе было потеряно, и онъ его не нашелъ и дома.

Какъ скоро начало смеркаться, то пошелъ онъ къ своей Клеѣ. Сїя женщина любила его нѣжно, и онъ думалъ до сего, что также и ее любитъ; но едва увидѣлъ дѣвицу Риттеръ, то и узналъ, что ее только обманывалъ. Сїя женщина въ самомъ дѣлѣ была неглупа, ея прозорливость тотчасъ примѣтила великую перемѣну въ поступкахъ П. . . холодность ея любовника принудила ее заплакать, хотя она сколько ни старалась удержаться, однако не могла. П. . , видя ее плачущую сжалился; я вамъ прежде объявилъ, что онъ былъ великодушенъ и сожалителенъ, при семъ онъ сїе доказалъ.

залъ. Онъ употреблялъ все свое старанїе ее успокоить, онъ приписывалъ свое разсѣянїе одному случившемуся ему огорченїю, холодность головной болѣзни, и обнявъ ее нѣжно, ушелъ. Вы не думайте, что бы П... имѣлъ честныя намѣренїя вразсужденїи Луизы. Онъ весьма привыкъ къ перемѣнной любви, и постояннаго не могъ принять ничего. Онъ почиталъ Луизу за бѣдную дѣвицу, которая не будетъ презирать поправить свое состоянїе, и онъ надѣялся достичь своего намѣренїя такимъ же образомъ, какъ и съ другими поступалъ, и жить съ нею на той же ногѣ, какъ и съ Клеѣю, которую для Луизы хотѣлъ бросить, что и дѣйствительно исполнилъ. Тоже происходило съ Луизою и въ ея чувствительномъ сердцѣ: прїятное лице

П. . . . и плѣняющее дружество произвело нѣкоторое впечатлѣнiе; но ея сердце столь было невинно, чисто, и въ томъ, что называется любовь, не искусно, что она сама не знала, что съ нею происходило; она приписывала то благодарности, что было истинною любовiю, и что онъ оказывалъ ей такую учтивость имѣя столь великое богатство, а она будучи такъ бѣдна. Она съ удивительнымъ успѣхомъ продолжала свою работу. Уже прошло 8 дней, и съ каждымъ любовь П. . . къ Луизѣ болѣе умножалась. Онъ долѣе не могъ съ нею быть въ разлученiи, искалъ всякаго случая по своей къ ней любви съ нею увидѣться, но не находя ниодного, вознамѣрился самъ къ ней ѣхать, въ намѣренiи дать ей новую работу. Онъ сѣлъ въ свою карету и

велѣлъ

велѣлъ своему кучеру ѣхать прямо въ Форштатъ и остановиться въ одномъ переулкѣ. Въ ономъ вышелъ онъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ въ извѣстной ему домъ Герна. Онъ засталъ тамъ его жену и Луизу однихъ, которые немало удивились при его посѣщенiи. Генрихъ будучи искусенъ въ обхожденiи съ женщинами, здѣлавъ маленькой поклонъ госпожѣ Гернъ, подошелъ потихоньку къ Луизѣ. Она приняла его вольно и безъ застѣнчивости. Онъ просилъ у нее съ великою учтивостiю прощенiя въ томъ, что помѣшалъ ей въ ея уединенiи, и просилъ ее продолжать свою работу. Она оную начала, а онъ сѣлъ подлѣ нее. Тутъ прiятно подымающаяся ея грудь, прекрасныя руки и восхищающее лице столь его обворожили, что онъ совсѣмъ позабывъ

бывъ себя, сидѣлъ подлѣ ея ничѣмъ недвижимъ, подобно безчувственному, и только рѣдкими вздохами показывалъ, что онъ живъ. Онъ бы долго пробылъ въ семъ молчаливомъ состоянiи, естьли бы Гернъ не пришелъ домой, котораго голосъ возбудилъ П. . . . отъ сна. Онъ ободрился Герновымъ присудствiемъ, и имѣлъ случай удостовѣриться, что и душа Луизы стольже была велика какъ ея прекрасное тѣло. Въ горницѣ стояли клавикорды, которыя госпожа Гернъ для увеселенiя своей гостьи промыслила. П. . . спросилъ, кто играетъ на семъ инструментѣ? Луиза отвѣчала закраснѣвшись, что она не много умѣетъ на оныхъ йграть. Онъ просилъ ее поиграть на оныхъ съ такимъ дружествомъ, что она не могла ему въ томъ отказать.

Она

Она играя пѣла новѣйшую арїю съ такою прїятностїю, что П. . . снова впалъ въ изумленїе и удивлялся Луизинымъ совершенствамъ. Изъ сего изумленїя вышелъ онъ, дабы впасть въ другое большее. Въ то время взошла въ горницу маленькая Луиза дочь госпожи Гернъ, она сдѣлавъ учтивой комплементъ П. . . и своимъ родителямъ по правиламъ искуства оборотилась къ дѣвицѣ Риттеръ, и сдѣлала ей привѣтствїе на Французскомъ языкѣ. П. . . удивлялся учтивству сего малинькаго дитяти, и спросилъ Луизу на Французскомъ языкѣ, что не она ли изъ сей куклы сдѣлала такогожъ Ангела, какова и сама? Хотя она симъ вопросомъ и въ великое была приведена смущенїе: однакожъ отвѣчала ему на оное, чистымъ Французскимъ языкомъ,

комъ, отъ чего удивленїе П. . . было въ высочайшемъ степени. Онъ былъ столько плѣненъ всѣмъ тѣмъ, что слышалъ и видѣлъ, что позабылъ о прощанъѣ. Пробившїе въ горницѣ часы напомнили ему оное, онъ ушелъ, пробывъ у нихъ болѣе двухъ часовъ. Онъ столько много былъ занятъ открытїемъ Луизиныхъ совершенствъ, что позабылъ о работѣ, которую онъ хотѣлъ ей дать, и въ домѣ Герна не знали, за чемъ онъ къ нимъ прїѣжжалъ. Госпожа Гернъ столько была проницательна, что она изъ поступка П. . . тотчасъ примѣтила сильную его любовь. Она видѣла ясно, что причиною его посѣщенїя была одна Луиза, она также давала знать оное и Луизѣ; но сїя любви достойная дѣвица не была столько малодушна, что бы думать,

машь, что такой богатой человѣкЪ кЪ такой бѣдной, какова была она, имѣлЪ какія нибудь намѣренія. П. . . возвратился домой гораздо влюбленнѣе, нежели изЪ онаго выѣхалЪ. Хотя бы кучерЪ возилЪ его по всей Голландіи, то бы онЪ не чувствовалЪ онаго по причинѣ глубокой своей задумчивости. КакЪ скоро карета остановилась у его двора, то онЪ изЪ нее вышелЪ, и вошедши вЪ свою горницу, бросился на канапе, и разсуждалЪ снова о томЪ, что видѣлЪ и слышалЪ.

ОнЪ вЪ ней столько нашелЪ совершенствЪ, что не сомнѣвался о томЪ, что бы она не была изЪ знатнаго рода; конечно, говорилЪ онЪ, она знатнаго рода и получила сіе отмѣнное воспитаніе отЪ богатыхЪ родителей. Она какимЪ нибудь нещастіемЪ приведена вЪ

сїе состоянїе ; Гернъ сїе знаетъ, и она конечно не его сродница, я его объ этомъ хорошенько распрошу. Сїе намѣренїе произвелъ онъ въ дѣйство на другой день. Онъ велѣлъ Герна позвать къ себѣ, и разговаривалъ съ нимъ сперва о дѣлѣ, ему препорученномъ, потомъ склонилъ разговоръ свой на дѣвицу Риттеръ, сказавъ ему, что онъ позабылъ вчерась дать ей нѣкоторую работу, чего для онъ къ нимъ вчерась и прїѣзжалъ. Онъ употреблялъ всю свою хитрость, дабы узнать сїю тайну. Но Гернъ былъ самъ весьма искусной человѣкъ, все, что ни могъ отъ него узнать П. . . было то, что Риттеръ была дочь одного корабельщика, которой за годъ передъ симъ умеръ. Какъ онъ имѣлъ одну только у себя дочь и нѣсколько имѣнїя, въ которомъ его не за-

долго передъ смертїю обманули: то употреблялъ онъ все свое старанїе на воспитанїе сей дѣвицы, которую онъ весьма нѣжно любилъ. Моя жена взяла ее къ себѣ вмѣсто прїемыша, и будетъ до тѣхъ поръ держать у себя, пока она придетъ въ совершенные лѣта. Симъ отвѣтомъ П. . . долженъ былъ удовольствоваться, хотя онъ зналъ, что его красавица не знатна: только онъ не осмѣливался ее часто посѣщать, и съ великимъ неспокойствїемъ сносилъ отсудствїе побѣдительницы своего сердца. Онъ приказалъ всѣмъ своимъ служителямъ, что естьли придетъ съ работою молодая женщина, которую онъ имъ описалъ, то чтобъ ее тотчасъ къ нему впустили, и чтобъ не лишиться прекраснаго ея взора, то сказывался онъ своимъ служителямъ куда

пой-

пойдетъ, и гдѣ его могутъ найти.

Наконецъ показался тотъ день, въ которой онъ долженствовалъ увидѣть удовольствіе своей души. Это было послѣ обѣда, какъ пришла дѣвица Риттеръ. Онъ лежалъ на постелѣ въ холатѣ, имѣя книжку въ рукахъ, подлѣ кровати стоялъ малинькой столикъ, на которомъ лежали разные бумаги и чайная чашка. Дверь отворилась, и дѣвица Риттеръ съ коробочкою взошла въ горницу. Гернъ отъѣхалъ за своими дѣлами на время, жена его нѣсколько не домогала, а Луиза заключая по своей невинности о всѣхъ людяхъ равно, какова была сама, столько положилась на честность сего купца, что не побоялась одна къ нему итти: какъ скоро П. . . увидѣлъ вошедшаго сего Ангела, то серд-

це его стало объято великою радостїю. Его страсти воспламенились сильнымъ огнемъ, онъ весьма разгорячился. Кровь его пришла въ движенїе, онъ дрожалъ. Неискусившаяся Луиза ничего не примѣчала. Она принесши свою работу, отворила коробочку, и положила оную на столъ. Но помраченныя П. . . глаза были совсѣмъ другимъ предметомъ заняты, нежели сей прекрасной штучкой. Онъ вознамѣрился не упускать сего удобнаго случая и учинить искушенїе надъ добродѣтелїю Луизы. По двузначущимъ рѣчамъ, которыя однакожъ не были непристойны, хвалилъ ея красоту и вознамѣрился учинить нѣкоторыя объявленїя. Луиза покраснѣла, и отступила назадъ. Онъ тутъ былъ смѣлѣе, схватилъ ее и сидя на своей постелѣ, хотѣлъ и ея

подлѣ

подля себя посадить. Ея лице покрылось краскою, и она говорила ему съ негодованіемъ, стараясь между тѣмъ освободить свою руку, которую онъ крѣпко держалъ: государь мой, не шутите такъ съ нещастною, которая можетъ не заслуживаетъ отъ васъ такого наруганія? Но когда сей подлой поступокъ не въ шутку, то я весьма обманулась, почитая васъ честнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ. При сихъ словахъ старалась она всякимъ образомъ вырвать свою руку, что ей наконецъ удалось, она спѣшила къ дверямъ; но П. . . вскочилъ какъ молнія, ее предупредилъ и схватилъ въ объятія такъ, что она не могла оправиться. Луиза отъ сего подлаго поступка впала въ великой гнѣвъ и требовала отъ него, чтобъ онъ ее пустилъ; но какъ

П. . . не охотно на оное соглашался: то она отъ того въ великое пришла изступленіе. Ея намѣреніе скоро исполнилось; она схватила лежащей на столѣ между бумагами перочинной ножикъ и онымъ съ такимъ свирѣпымъ лицемъ на него замахнулась, что онъ испугавшись, дабы не получить въ сердце удара, отъ сей любви достойной фуріи въ тужъ минуту ее пустилъ изъ рукъ. Какъ скоро увидѣла Луиза себя на волѣ, то полетѣла какъ вѣтеръ къ дверямъ и во мгновеніе очутилась на улицѣ. Она по ней бѣжала какъ уязвленная Серна не оправивъ своего платья, которое было на ней въ безпорядкѣ, и непрежде остановилась, пока не пришла въ домъ Герновъ.

Госпожа Гернъ сидѣла на кроватѣ, когда Луиза взошла въ горницу,

рницу, имѣя платье въ безпорядкѣ, съ разсѣяннымъ лицемъ, свирѣпыми глазами, и такъ блѣдна, какъ мертвая. О любезная моя матушка! — болѣе не могла она говорить, и упала къ ея ногамъ. Она въ самомъ дѣлѣ впала въ обморокъ, и это неудивительно: страхъ и усталость, происшедшія отъ долгаго бѣжанія, совсѣмъ ее ослабили. Госпожа Гернъ, будучи сама нездорова, ужаснулась такому нечаянному приключенію, не узнавъ причины. Она кликнула свою служанку, и старалась Луизу привести въ себя. Наконецъ имъ оное удалось, она открывъ глаза, схватила у Госпожи Гернъ руки, оглядывалась съ устрашеннымъ видомъ, и спрашивала жалостно, что въ безопасности ли она? Госпожа Гернъ, сія честная женщина отъ сего весьма опечалилась, и дѣлала

 себѣ

себѣ тысячу укоризнъ, что отпустила Луизу одну къ П. . . И какъ ужъ того перемѣнить было неможно: то она старалась только о томъ, какъ бы прекратить всѣ худыя слѣдствія. Она тотчасъ послала за лѣкаремъ, которой пустилъ кровь Луизѣ, потомъ положили ее на постелю.

Какъ скоро Луиза ушла изъ горницы П. . . то онъ пришедъ въ разумъ, которой до того его оставилъ, досадовалъ, что не достигъ своего намѣренія. Его досада умножалась болѣе при воззрѣніи на ножикъ: онъ бросилъ его съ негодованіемъ на полъ, и по малу успокоился. Онъ разсуждалъ о постоянствѣ сей дѣвицы, и удивлялся добродѣтели, о которой до сихъ поръ еще несовершенно зналъ; ибо всѣ прежнія его побѣды столь были легки, что онъ не могъ

не

не ими хвалиться. Онъ нашелъ себя принужденнымъ, выключить дѣвицу Риттеръ изъ числа тѣхъ Нимфъ, которыя торгуютъ своею красотою, и добродѣтель мѣняютъ на деньги. Какъ скоро началъ онъ такъ думать, то сталъ раскаяваться въ подломъ своемъ поступкѣ; и разсуждая о великой потерѣ (ибо онъ представлялъ, что сїя добродѣтельная почтетъ его за разбойника, хотѣвшаго похитить величайшее ее сокровище и не удостоитъ его своимъ взоромъ) впалъ въ великую печаль. Во время сего разсужденїя ходивъ онъ скоро по горницѣ взадъ и впередъ, увидѣлъ лежащую на столѣ штучьку. Онъ при семъ вспомнивъ о нанесенной имъ ей обидѣ, и представилъ всѣ ея красоты. Онъ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать прекрасную сїю работу, и не пролить

лить надъ ней нѣсколько слезъ раскаянія. По долгомъ самаго себя упреканій, началъ думать, какимъ бы образомъ поправить свой поступокъ, и примириться съ своею любовницею. Тысящу намѣреній предпринималъ, и все отвергалъ. Наконецъ вздумалъ онъ жениться на сей дѣвицѣ. Хотя его охота къ перемѣнѣ и склонность къ вольной жизни отвергали оное намѣреніе, но его сердце, будучи отъ природы доброе и сильная его любовь, подкрѣпляли оное такъ сильно, что наконецъ онъ на оное согласился. Но въ томъ находилъ новое затрудненіе. Приметъ ли, спрашивалъ онъ самъ себя, приметъ ли сія добродѣтельная дѣвица сіе предложеніе? Не будетъ ли она опасаться, соединиться съ такимъ человѣкомъ, которой ей подозрителенъ, и котораго она по такому слу-

случаю почитаетъ порочнымъ? И осмѣлюсь ли я ей опять показаться на глаза? Сїи вопросы опечалили его сердце, и онъ на оныя ничѣмъ инымъ не отвѣчалъ, какъ только попреканїемъ самаго себя. По долгомъ размышленїи началъ говорить: я буду конечно весьма нещастливъ, когда потеряю сїю дѣвицу, — ежели она не согласится; ибо я чувствую, что не могу безъ нее жить! а можетъ быть и склонится она! О когда бы это здѣлалось! — Я обязанъ здѣлать удовольствїе ея поруганїю, но какъ я лучшаго ничего не имѣю, кромѣ моего сердца, моей руки, моего богатства; то я хочу въ доказательство чистаго моего разкаянїя, ей оное вручить. — Ежели она оное приметъ, то я щастливъ, естьлижъ отвергнетъ — то будьте прокляты и тѣ часы, въ которыя

я ее обидѣлъ — также и тѣ, въ которыя я ее въ первой разъ узналъ, или въ которыя я ее полюбилъ! Сей его съ самимъ собою разговоръ прервалъ его служитель, принесшій кушанье на столъ. Можноли теперь ѣсть! отвѣчалъ П. . ., я не много уже поѣлъ, скажи кучеру, чтобы онъ заложилъ карету, я сего дня поѣду со двора. П. . . былъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ весьма скоръ; и когда о чемъ нибудь задумаетъ, то тотчасъ производитъ въ дѣйство. Онъ было хотѣлъ письменно изъясниться дѣвицѣ Риттеръ; но сіе казалось ему продолжительнымъ; когда онъ самолично ее обидѣлъ, то хотѣлъ и оправдаться также самолично. Онъ чрезъ четверть часа исправивши всѣ свои нужныя дѣла, кликнулъ своего слугу и спрашивалъ, готовали карета?

рета? Слуга сказалъ, что готова, и спросилъ, что не изволитъ ли онъ одѣться? при сихъ словахъ узналъ П. . . что онъ былъ въ холатѣ. (Въ такомъ то былъ смущенiи.) Онъ тотчасъ велѣлъ принести свое платье, и чрезъ десятъ минутъ очутился уже въ каретѣ. Онъ велѣлъ тогда прямо къ дому Гернову подъѣхать; взошелъ въ горницу, въ которой былъ при первомъ своемъ посѣщенiи, въ надеждѣ застать тамъ дѣвицу Риттеръ; но онъ болѣе никого не нашелъ, кромѣ Госпожи Гернъ и маленькой ея дочери.

Сiя добросердечная женщина увидя его поблѣднѣла, и хотѣла было чтото ему сказать; но онъ предупредивъ ея говорилъ: не говорите мнѣ ничего, дражайшая Госпожа Гернъ, вы мнѣ болѣе

ни-

ничего не можете сказать, какъ только, что я чудовище, и вы не можете болѣе меня укорять, сколько я самъ себя укоряю. Я оскорбивъ чистѣйшую добродѣтель пришелъ сюда испросить прощенїя и предложить оному удовольствїе, или естьли того не сдѣлается, я буду вѣчно оплакивать мое нещастїе. Но гдѣ дѣвица Гиттеръ? позвольте мнѣ ее увидѣть! я не могу прежде быть спокоенъ, пока не принесу предъ ея ногами величайшаго моего раскаянїя — Государь мой П. . . отвѣчала Госпожа Гернъ, вы намѣрены были обругать невинную дѣвицу, къ достиженїю чего мало всѣхъ вашихъ богатствъ; но какъ вы сами въ томъ раскаеваетесь и жестоко себя укоряете: то я не буду васъ онымъ огорчать. Но чтожъ касается до того, чтобы вамъ видѣть дѣвицу

Рит-

Риттеръ, того я дозволить не могу. Подлой вашъ съ нею поступокъ, и полученной отъ того ужасъ, принудили пустить ей кровь, она теперь нездорова и лежитъ въ постелѣ. Послѣдния сїи слова произвели на лицѣ П. . . . великую блѣдность, и холодной потъ пронялъ все его тѣло. Перемѣна на его лицѣ столь была примѣтна, что госпожа Гернъ тотчасъ подала ему стулъ, что бы онъ не упалъ. О нещастная! вскричалъ онъ, я не только оскорбилъ сїю любви достойную дѣвицу, но еще причинилъ вредъ ея здоровью! — Точно она больна — она больна — о чудовище, ты причиною ея болѣзни. Но прочь сїи смертоносныя мысли! Она должна жить — она должна быть щастлива. По нѣсколькихъ минутахъ началъ онъ опять весьма убѣдително

просить, что бы дозволено ему было увидѣть дѣвицу Риттеръ; но госпожа Гернъ никакъ на оное не соглашалась, опасаясь, что бы не обезпокоить тѣмъ больную. Онъ видя, что не можетъ ее упросить, взялъ ея руки, омочалъ оные своими слезами, и просилъ ее, что бы она открыла дѣвицѣ Риттеръ великое его раскаянїе, испросила бы ему прощенїе и все, что онъ имѣетъ, представила бы ей въ удовлетворенїе. Я не могу безъ нее жить, говорилъ онъ, я предлагаю ей свое сердце, свою руку, и все свое имѣнїе, и почту себя щастливѣйшимъ человѣкомъ, есть ли она приметъ сїе приношенїе. Оставлю всѣ свои пороки, и буду подражать ея совершеннымъ добродѣтелямъ. Дозвольте мнѣ около вечера навѣдаться; и когда будетъ возможно, то позвольте

уви-

увидѣть единственное мое утѣшеніе! Потомъ, какъ сожалительная госпожа Гернъ на все оное согласилась, простился онъ съ нею и сѣвъ въ карету поѣхалъ домой.

Какъ скоро пріѣхалъ: то позвавъ своего лѣкаря, послалъ его къ прекрасной своей больной съ навѣщаніемъ всѣвозможныя употреблять средства къ ея излеченію. Онъ велѣлъ его туда проводить своему служителю, которому поручилъ полной кошелекъ золота, дабы отдать оной госпожѣ Гернъ съ прошеніемъ, чтобъ она какъ можно лучше старалась о больной. По прошествіи двухъ часовъ лѣкарь возвратился и увѣдомилъ П. . ., что въ болѣзни молодой дѣвицы нечего опасаться, оная только произошла отъ одного страха, приключившагося ей, какъ она сказывала предъ обѣдомъ отъ

нѣкотораго произшествїя на улицѣ, и что онъ надѣется, что она поутру совершенно оправится. Влюбленной купецъ слушалъ сїе извѣстїе съ великимъ удовольствїемъ, просилъ лѣкаря по утру къ ней съѣздить, обѣщаясь за оное быть благодарнымъ. Лѣкарь обѣщался и пошелъ домой. Потомъ подошедъ къ нему его слуга, и отдалъ назадъ порученной ему кошелекъ, сказывая, что госпожа Гернъ оной вразсужденїи дѣвицы Риттеръ совсѣмъ не хотѣла принять; она говорила, что она очень знаетъ нравъ сей великодушной дѣвицы, и что ни за что ничего такого не сдѣлаетъ, въ чемъ каждая честная женщина откажетъ. П. . . лучше бы хотѣлъ, чтобы не получить никакого отказу. Но онъ чрезъ сїе узналъ великодушїе Госпожи Гернъ. Едва день началъ про-

проходить, то онъ тотчасъ поѣхалъ къ ней въ домъ; но сколь охотно Госпожа Гернъ ни желала представить его Луизѣ, однако она на оное не согласилась, хотя я, говорила она, въ семъ домѣ ничего отъ него опасаться не могу, однако будетъ противъ благопристойности, принять посѣщенїе отъ такого человѣка, которой имѣлъ дерзость здѣлать нападенїе на мою честь. И такъ долженъ былъ П. . . съ великою печалїю возвратиться домой. На что намъ, любезная прїятельница, терять время на сїи переговоры? Довольно, когда скажу, что онъ не прежде четырехъ дней могъ ея увидѣть. Ибо хотя она на другой день послѣ случившагося ей приключенїя и совершенно была здорова, однако никуда не выходила изъ своей горницы и въ оной съ запертыми

дверьми продолжала свою работу. П. . . сїе время провождалъ въ великой печали; его любовь ежеминутно возрастала, и онъ весьма опасался Луизиной несклонности. Онъ искалъ удовольствїя, но нигдѣ не находилъ кромѣ госпожи Гернъ. Сїя женщина, могущая познавать человѣческїя сердца, (нещастїе тому ее научило) узнала чистосердечное его раскаянїе и сильную любовь; и какъ она была весьма добросердечна, то сжалилась надъ нимъ. Она снова обѣщалась помирить его съ дѣвицею Риттеръ, за что онъ обѣщалъ ей вѣчную благодарность.

Госпожа Гернъ здержала свое слово. Она послѣ обѣда пошла въ горницу къ Луизѣ, и по разныхъ разговорахъ, склонила свою рѣчь на П. . . любезная моя дочь, говорила она, я не могу больше проти-

противиться прозьбамъ сего человѣка; его раскаянїе въ своей ошибкѣ столь велико, и его сожалѣнїе о вашей непримиримости, какъ онъ сїе называетъ, столь сильно, что я опасаюсь отъ того худыхъ слѣдствїй, естьли вы неисцѣлите пораженное его сердце, принятїемъ его раскаянїя и своимъ прощенїемъ. Я имѣю причины признать его раскаянїе и печаль чистосердечными, ибо невозможно болѣе раскаяться, какъ онъ. Я вамъ въ томъ ручаюсь, что при его присудствїи честное ваше имя никакъ не посрамится — Дражайшая моя матушка! отвѣчала Луиза, вы знаете, сколь дѣйствительны ваши во мнѣ совѣты: когда вы мнѣ оное приказываете, то я безъ отговорокъ вамъ въ томъ повинуюсь — я вамъ приказываю? отвѣчала госпожа Гернъ, сохрани

 меня

меня Боже отъ такихъ мыслей при такомъ важномъ дѣлѣ! Нѣтъ, моя любезная, въ этомъ вы поступайте по вашей волѣ. Я знаю ваше великодушїе, отвѣчала Луиза, и желала бы столькоже быть добродѣтельною, какъ вы; сердце мое мнѣ не дозволитъ говорить съ симъ человѣкомъ откровенно. Когда бы я была богата, и П. . . лишилъ бы меня всего имѣнїя, или другимъ бы какимъ образомъ обидѣлъ, тобы я все для него сдѣлала, что только не противно чести, но его причиненное мнѣ оскорбленїе совсѣмъ другаго рода: Сверьхъ того какъ могу увѣриться въ его чистосердечномъ раскаянїи? Я еще мало научилась распознавать людей, однако и тѣ, которыхъ я знала, были по большей части невѣрны и лукавы. Но пускай оно каково ни будетъ, мнѣ въ томъ

нужды

нужды нѣтъ, но непримиримою, дражайшая моя пріятельница! я никогда не останусь: объявите ему моимъ именемъ совершенное прощеніе. Это ему, отвѣчала госпожа Гернъ, мало поможетъ. Расположеніе его сердца нѣчто большаго желаетъ, нежели прощенія, онъ хочетъ вамъ за то принести удовлетвореніе. Она разсказала ей потомъ все, что онъ съ нею ни говорилъ, и кончила разговоръ свой тѣмъ, что она чрезвычайно будетъ рада, ежели будетъ имѣть щастіе видѣть ее въ томъ состояніи, въ которомъ она родилась, и котораго добродѣтели ея заслуживаютъ. Кроткая Луиза не трогалась симъ; но какъ госпожа Гернъ неотступно ее просила въ утѣшеніе П..., чтобъ онъ ее могъ увидѣть: то она наконецъ на оное согласилась. Сіе дѣлаю

только для васъ и чтобы не подать вида, что я своевольна, пускай П. . . придетъ, но я надѣюсь на вашу дружбу, что вы будете при нашемъ разговорѣ, и сколько онъ здѣсь ни пробудетъ, меня неоставите.

Симъ кончился ихъ разговоръ, которой Луизѣ нѣкоторой лучъ къ щастiю показалъ. А какъ П. . . не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не посѣщать дому Госпожи Гернъ: то прiѣхалъ онъ около вечера, и съ неизрѣченною радостiю получилъ извѣстiе отъ Госпожи Гернъ, что онъ сего дня будетъ допущенъ къ дѣвицѣ Риттеръ. Онъ благодарилъ сiю прiятельницу за такое благодѣянiе и не могъ удержаться въ своемъ восхищенiи, чтобъ ее не обнять. Госпожа Гернъ увѣдомивъ дѣвицу Риттеръ о его прiѣздѣ, повела его въ ее горницу. Но сколь

много

много удивилась сїя любви достойная дѣвица при толь великой перемѣнѣ его лица. Глаза его показывали великую скорбь; прежде бывшїя румяныя его щеки поблѣднѣли, и печаль распространялась по всѣму его лицу. Сїе воззрѣнїе имѣло болѣе дѣйствїя, нежели бы все его краснорѣчїе; оное не только обезоружило дѣвицу Риттеръ, но и нечаянное сожалѣнїе смягчило также благородное ея сердце. П... въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ сего сожалѣнїя; ибо онъ тогда любилъ Луизу истинною и добродѣтельною любовїю. Онъ все то время, въ которое ее не видалъ, препроводилъ въ великомъ сѣтованїи, онъ ни въ чемъ не находилъ удовольствїя, и сїе сокрушенїе сердца было причиною, что онъ очень мало принималъ пищи, отъ чего столь чувствительная сдѣлалась перемѣна

на

на его лицѣ. Тронутая сожалѣнiемъ дѣвица позабыла въ сiю минуту своего оскорбителя, но взирала какъ на разкаявающагося. П. . . взошедъ въ горницу бросился передъ нею на колѣни; онъ не могъ выговорить ни одного слова, стѣсненное его сердце удерживало его языкъ, онъ не имѣлъ также столько смѣлости, чтобы взглянуть на оскорбленную свою красавицу. Дѣвица Риттеръ, будучи не въ такомъ великомъ смущенiи, тотчасъ вскочила съ своего стула и просила его встать. Вы забываетесь, государь мой! говорила она, къ чему такое униженiе? Развѣ вы забыли, что я только бѣдная дѣвка? Сiи слова его ободрили. Онъ отъ сего прiятнаго тона, съ которымъ она говорила, получилъ столько бодрости, что робкими своими глазами осмѣлился взглянуть на ея лице.

Нѣтъ,

Нѣтъ, вскричалъ онъ, вы не бѣдная дѣвка! но наилучшая, добродѣтельнѣйшая, и благороднѣйшая дѣвица изъ всего свѣта! — и васъ — имѣлъ я нещастіе и дерзновеніе оскорбить! — я не прежде встану, и оставлю сію мою покорность, пока вы не сдѣлаете милости, и недостойному, которой самъ себя за свой порокъ унижаетъ, не простите преступленія, въ которомъ онъ вамъ приноситъ величайшее свое раскаяніе. — Встаньте, государь мой, отвѣчала она, я васъ прощаю! Само небо, защитившее отъ васъ мою честь и невинность, да проститъ васъ, и да удержитъ впредь отъ подобныхъ преступленій. Посемъ пріятномъ прощеніи, взявъ онъ ея руку, и оную, прежде, нежели могла она выдернуть, поцѣловалъ, и омочилъ нѣсколькими слезами. Онъ благо-

дарилъ

дарилъ ее за ея великодушіе чувствительнѣйшимъ образомъ, просилъ ея продолжать свою благосклонность, и возвратился домой, не могши въ первой разъ на большее отважиться. Госпожа Гернъ проводила его изъ горницы, онъ ее тутъ еще благодарилъ за великое ея благодѣяніе, и когда она его провожала, то положилъ онъ маленькой ея дочери за пазуху отосланной ему назадъ кошелекъ съ золотомъ, сказавъ ей: мать твоя, моя любезная! въ ономъ мнѣ отказала, но для тебя оной не можетъ имѣть никакихъ слѣдствій, я его тебѣ дарую; и по сихъ словахъ сѣлъ онъ въ карету.

Какъ скоро онъ уѣхалъ, то Госпожа Гернъ пошла къ Луизѣ, которая ей призналась, что видъ П.. ея весьма тронулъ, и что отъ того она не въ состояніи была при-

принять его сурово, какъ прежде хотѣла. Я сама теперь думаю, говорила она, что его раскаянïе чистосердечно, и желаю, чтобъ онъ впредь былъ добродѣтеленъ, и со всякимъ бы поступалъ честно! Къ тому, говорила госпожа Гернъ, должны вы его привести, вы имѣете къ тому всѣ потребныя дарованïя. Я думаю также, что и его любовь столькожъ чистосердечна, какъ и раскаянïе, примите оную также какъ и ту: вѣрно вы будете имъ щастливы! — Но какъ вы можете такъ со мною говорить? Развѣ вы не знаете, что я бѣдна, отъ всѣхъ оставлена, и ничего не имѣю, кромѣ того, что получила отъ васъ, а П... Княжескимъ обладаетъ богатствомъ? — Это я все знаю, отвѣчала госпожа Гернъ: но я также знаю, что вы княжескими обладаете дарованïями и имѣете

Ангель-

Ангельскую добродѣтель, которая превосходнѣе всѣхъ П... богатствъ; чтожъ касается до вашей природы, то она ничѣмъ не хуже его, и когда все оное сравнить: то между вами не будетъ никакаго неравенства. П... пригожїй и любви достойной человѣкъ. Я его не почитаю порочнымъ. Я не хочу ни слова говорить о его погрѣшности и худомъ противъ васъ поступкѣ, Боже меня отъ того сохрани! Но его въ томъ можно извинить. Лѣта, жаръ молодости, щегольство и наружная красота къ тому его привлекали; но я надѣюсь, что какъ скоро онъ будетъ имѣть добродѣтельную супругу, то отъ того исправится. Ему уже около 28 лѣтъ, жаръ его молодости миновался и сей послѣднїй случай его исправилъ.

Я вамъ, моя дражайшая, не буду докучать многими околичностями, а тобы я десять или больше долженъ описать переговоровъ, при семъ случаѣ происходившихъ. Напослѣдокъ ничего я вамъ болѣе не могу объявить, какъ то, что Луиза была увѣрена о истинной любви П..., и по своей къ нему склонности согласилась на бракъ съ П..., которой онаго желалъ болѣе всего, и здѣлалъ бы его безъ замедлѣнія, естьли бы не опасался препятствія своихъ сродниковъ по причинѣ неравенства съ Луизою, а болѣе всего боялся онъ дяди, которой имѣлъ великое богатство, и которому П... послѣ его смерти былъ наслѣдникомъ. Его радость тѣмъ была болѣе, когда онъ узналъ отъ Луизы о ея рожденіи, подлинное ея имя, и прежнія обстоятельства, оба оныя дома были

прежде въ великой дружбѣ. Однако между тѣмъ Луиза не оставляла свою работу; хотя П... и просилъ ее болѣе оную не продолжать, а содержанїе получать отъ него; однако не могъ ее къ тому склонить; она говорила, что не прежде отъ него будетъ получать содержанїе, пока не соединится съ нимъ законнымъ бракомъ. Не правдали, любезная моя прїятельница! Вы довольны теперь состоянїемъ нашей Луизы? и я также оному радъ; но умѣрьте свою радость, я вамъ долженъ объявить обстоятельства ужаснѣйшїя еще прежнихъ: сердце у меня замираетъ, когда я о томъ подумаю. Луиза все время въ домѣ Герновомъ, выключая случая съ П..., препровождала щастливо и спокойно, она ни о чемъ не безпокоилась, также и тотъ случай служилъ ей къ лучшему.

Она

Она столько доставала своею работою, которой всегда имѣла множество, что не только заплатила долгъ госпожѣ Гернъ, которой она употребила себѣ на платье; но еще сверьхъ того много себѣ надѣлала хорошихъ уборовъ и имѣла наличныя деньги. Ея душевное спокойствїе было совершенно возвращено, и она столько была довольна своимъ состоянїемъ, что не желала лучшаго.

Вы думаете, что Бенстонъ учиненнымъ Генриху отмщенїемъ удовольствовалась! Когда вы такъ думаете, то сїе неудивително; ибо люди вашихъ свойствъ почтутъ сїе дьявольское отмщенїе весьма ужаснымъ. Но нѣтъ, дражайшая прїятельница, Бенстонъ не была симъ удовольствована. Сїя адская фурїя, превосходящая злостїю самаго сатану,

вознамѣрилась погубить и оставшійся плодъ. Какое проклятое сердце имѣло сіе чудовище! Она была поношеніемъ человѣчеству; но однакожъ это справедливо, что нѣтъ ниодной злости, которой бы человѣкъ не зналъ, имѣя злое сердце. Люди сего рода точныя и истинныя дьаволы на семъ свѣтѣ, отъ нихъ происходитъ все зло, а не отъ тѣхъ черныхъ привидѣній, которыхъ суевѣріе выдумало, и которымъ оно рога, хвосты и другія смѣшныя изображенія приписало.

Намѣреніе Бенстоны не было умертвить Луизу, симъ обыконовеннымъ образомъ Бенстонъ неотмщевала. Она лишила ея отца и имѣнія, но и ее также хотѣла посрамить и привести въ бѣдность. Бенстонъ до сихъ поръ ничего не могла узнать о Луизѣ, сколько

ни

ни старалась выв҄дывать, она вознам҄рилась какъ возможно ее сыскать, и чтобы получить сiю добычу въ свои руки, то не находила лучшаго инструмента къ произведенiю такихъ проклятыхъ нам҄ренiй, кром҄ молодаго Б. . ., котораго она держала всегда въ своихъ ц҄пяхъ.

При семъ возбуждала она его честь и доброд҄тель, которыхъ онъ совс҄мъ не зналъ и всегда ему представляла, что честь его требуетъ, отмстить самой той особ҄, которая ему прежде зд҄лала поносной отказъ. Это в҄роятно, что т҄ по большей части бол҄е за свою честь горячо вступаются, которые мало ея им҄ютъ. Челов҄къ им҄ющiй полное понятiе о чести, и будучи самъ въ сеув҄ренъ, что онъ честной челов҄къ, бываетъ симъ ув҄ренiемъ

доволенъ, и никогда онымъ не хвастается; и когда онъ знаетъ, что истинная честь нимало не можетъ уменьшиться глупымъ и ребяческимъ оскорбленіемъ, то онъ о томъ не безпокоится. Б. . . привыкъ Бенстонѣ послѣдовать во всемъ, какъ волъ въ плугѣ; и какъ намѣренія Бенстоны клонились къ удовлетворенію оскорбленной его чести, то онъ на все соглашался. Сія безчестная женщина склонивъ его на все, говорила ему слѣдующее: я сыщу дѣвицу Г. . и когда ее найду, то велю ее замѣтить. Потомъ ее отвезутъ въ домъ М. . ., которой, какъ вы знаете, за городомъ, и какъ скоро сіе сдѣлается, то я васъ о семъ увѣдомлю. Я въ семъ случаѣ не буду ревнива и васъ въономъ извиню; а естьли же вы по своему нераденію не достигнете

те своего намѣренія: то я васъ впередъ не удостою и своимъ взоромъ. Сія рѣчь имѣла желанное впечатлѣніе въ сей безмозглой головѣ, и онъ обѣщалъ ей слѣпое свое повиновеніе.

Бенстонъ не въ шутку о этомъ говорила, и старалась все сіе скорѣе окончить. Арнольдо былъ у нее въ услуженіи, коварной и хитрой злодѣй, оказавшій свое проворство во многихъ преступленіяхъ. Онъ былъ родомъ Италіянецъ, и щитался лучьшимъ разбойникомъ въ своемъ отечествѣ. Онъ жилъ у Бенстоны совсѣмъ не такъ, какъ живутъ слуги у своихъ госпожъ. Сего то выбрала она своимъ лазутчикомъ, да и дѣйствительно никто не могъ искуснѣе его оное отправить. Она описала ему станъ и лице Луизино такъ живо, что онъ не

скоро могъ въ ономъ обмануться и приказала ему найти сїю дѣвицу, ее примѣтить и потомъ отвезти въ извѣстной домъ М. . . Когда ему щастливо удастся въ семъ дѣлѣ: то она въ награжденїе обѣщалась ему дать 200 гульденовъ. Сей человѣкъ имѣлъ понятную голову, онъ скоро выучилъ свой урокъ и обѣщался употребить къ тому всѣ свои силы; а что бы онъ скорѣе успѣлъ въ семъ предприятїи; то она обѣщалась ему въ то самое время здѣлать награжденїе, какъ совершитъ свою услугу. Арнольдо въ надеждѣ обѣщаннаго награжденїя, и отъ побужденїя злаго своего сердца, употреблялъ всевозможныя труды, онъ бродилъ по всѣмъ улицамъ города и Форштата на подобїе шпїона, и во всѣхъ домахъ высматривалъ своей до-

добычи, но всѣ его старанія были тщетны. Луиза, сія невинная овечька, которой выходу алкалъ хищный волкъ, очень рѣдко выходила, и когда она выхаживала, то Арнольдо ея не видывалъ. Онъ уже намѣренъ былъ оставить свои поиски, и хотѣлъ сказать Бенстонѣ, что описанной ею дѣвицы нѣтъ въ городѣ, а тобы ему она не осталась неизвѣстна, ибо онъ ея искалъ такъ, какъ иголку. Сіе, говорю я, былъ онъ намѣренъ предпріять, какъ вдругъ встрѣтилась съ нимъ старая его знакомка извѣстная ему. Арнольдо, говорила она: развѣ ты безъ мѣста, что цѣлыя дни прохаживаешь по улицамъ? Хотя я не безъ мѣста, отвѣчалъ онъ, но имѣю одно дѣло, въ которомъ естьли ты мнѣ пособишь, то я тебѣ за оное дамъ за работу. Ну! говорила

старуха, скажи только что тебѣ надобно. Арнольдо не желая ни чего упустить и зная, сколько сей родъ дїаволовъ въ семъ искусны, сдѣлалъ ей описанїе искомой имъ дѣвицы, и спросилъ, не знаетъ ли она такой? Не знаю ли я такой? — потомъ начала она, нѣсколько подумавъ: такъ, мнѣ кажется, что я такую-та видала; но Арнольдо, когда то та, то она не изъ числа нашихъ Нимфъ. Что тебѣ до того нужды? Отвѣчалъ онъ, пускай она будетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ. Разскажи мнѣ только обстоятельнѣе, чтобы намъ не обмануться. Я живу, говорила сей извергъ, какъ ты знаешь, въ Форштатѣ близъ садовъ. Черезъ улицу отъ меня живетъ одинъ лавошникъ именемъ Гернъ, онъ прежде служилъ въ городѣ у одного купца и женился на дѣвкѣ изъ его дому,

а

а нынѣ они уже съ нѣкотораго времени торгуютъ; у нихъ живетъ одна дѣвушка, ихъ сродница, которая дѣлаетъ разныя штучьки и тѣмъ пропитанїе себѣ достаетъ, я ее много разъ видѣла, когда у нихъ покупала нѣкоторыя товары, и она весьма похожа на твое описанїе. Это хорошо, отвѣчалъ Арнольдо; но я долженъ болѣе удостовѣриться, она ли это, которую я ищу. Чтобы не ошибиться, такъ я тебѣ совѣтую, отвѣчала старуха, итти со мною, я тебѣ покажу ихъ домъ, ты можешь тамъ спросить какихъ нибудь товаровъ и ее увидишь. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ шпїонъ, она не должна меня видѣть, а то можетъ быть меня узнаетъ, и такъ все дѣло испортится. Ну, отвѣчала она, можетъ быть къ своему щастїю ты увидишь ее

вЪ окошко ; а когда это она, то положись на меня, я ее тебѣ достану. ПотомЪ пошли они весьма скоро, какЪ два разбойника, увидѣвшiя на дорогѣ одного странствующаго и желающiя омочить руки вЪ его крови. Они прямо шли вЪ ФорштатЪ. При своемЪ прибытiи стали они вЪ такомЪ мѣстѣ, отЪ куда можно было видѣть все происходящее вЪ домѣ ГерновомЪ. Не много спустя прiѣхала карета П. . . кЪ воротамЪ сего дома, которой всякой день по большой части вЪ сiе время посѣщалЪ Луизу. Сiя карета часто сюда прiѣзжаетЪ, говорила старуха, а за чемЪ, я не знаю. Это, отвѣчалЪ Арнольдо, богатой П. . . , которой весьма любитЪ хорошихЪ дѣвушекЪ, конечно онЪ и сiю уговорилЪ, онЪ вездѣ примѣчаетЪ такихЪ красавицЪ. Полчаса спустя

послѣ

послѣ того П. . . вышелъ, его провожала госпожа Гернъ изъ горницы, и когда онъ хотѣлъ садиться, то отворилось окошко, и одна молодая женщина глядѣла изъ онаго, и прощалась съ П. . . Браво! вскричалъ Арнольдо, это она! это она! благодарю тебя, старушка, по пословицѣ отъ всего моего сердца! справедливо: самъ дьяволъ не можетъ быть полѣзнѣе сихъ старухъ! но пойдемъ со мною, нынчѣ намъ ничего болѣе не надобно, я хочу итти къ тебѣ, мы будемъ ѣсть, пить и веселиться, я нынчѣ хочу всѣхъ твоихъ дѣвокъ потчивать! смотри! вотъ кошелекъ, я тебѣ дамъ еще болѣе, нежели обѣщался, естьли ты мнѣ достанешь эту дѣвицу. Они пришли въ жилище нимфъ, и Арнольдо велѣлъ накрытъ столъ и подавать вина. Онъ спрашивалъ

свою помощницу, что, какъ она думаетъ увезти сїю дѣвушку въ то мѣсто, куда ему хочется! Положись только на меня; а куда тебѣ ее хочется увезти? Въ домъ М. . . туда-та, а я думала что нибудь больше; однако это нѣсколько трудновато. Я сама этого не могу здѣлать, ибо госпожа Гернъ меня знаетъ, для того, что я у ней беру товары; но у меня есть одна прїятельница, на которую я могу положиться, что она это исправитъ. Уговорить сїю дѣвицу никакъ не можно, а должно прибѣгнуть къ хитрости. Я обѣщаюсь за то взяться, только чтобы мнѣ отъ того худаго чего не вышло. Дурочка! отвѣчалъ Арнольдо, что изъ того можетъ выпти? Вить это бѣдная дѣвка, сродница бѣднаго сидѣльца, это еще не очень важно. Они приняли

по-

потомъ всѣ нужныя средства къ произведенію сего гнуснаго предпріятія. Потомъ пошелъ онъ къ достойной своей госпожѣ, а старуха обѣщалась между тѣмъ получьше развѣдать о обстоятельствахъ сей дѣвицы, и какъ бы лучьше ее увезти. Бенстонъ извѣстіемъ, которое ей принесъ Арнольдо о сысканіи Луизы, была весьма довольна, она его благодарила за его ревность, но притомъ сказала, что все это ничего не будетъ стоить, естьли сія дѣвица не будетъ привезена въ домъ М. . . потомъ дала она ему наставленіе, какъ при семъ поступать должно, и приказала ему о всемъ томъ, что она ему ни говорила, увѣдомить свою помощницу. На другой день по утру рано пошелъ Арнольдо къ своей знакомкѣ, онъ нашелъ у ней еще

другую

другую язву человѣчества, и тутъ то они положили проклятое намѣренїе, которое тогожъ дня произвели въ дѣйство.

Луиза, сїя бѣдная, невинная дѣвица, встала въ сїе утро съ обыкновенною своею бодростїю, завтракала и шутила съ маленькою Луизою Гернъ, потомъ сѣла за свою работу. А объ томъ и не знала, что для нее сплетали ужасную сѣть, въ которую она будучи такъ невинна, какъ Агнецъ, попадется! Такъ какъ безопасной олень, украшенїе лѣсу, ничего не опасаясь выходитъ изъ густыхъ рощей на поле; проницательной взоръ охотника усматриваетъ его издали, гоняетъ за нимъ по рощамъ, достигаетъ и окровавивъ повергаетъ на землю умирающее сїе бѣдное невинное животное: такъ и ты бѣдная и сожалѣнїя достойная

тойная дѣвица, будешь поймана. Имѣешь ли ты какого нибудь защитника, которой бы тебя отъ того избавилъ? Такъ! конечно! Ты будешь избавлена! Но не прежде, пока не будешь искушена, что вытерпѣть и оное побѣдить къ сему творецъ сердце твое одарилъ необыкновенною бодростїю и мужественнымъ постоянствомъ.

Это было въ десятомъ часу передъ обѣдомъ, какъ коляска прїѣхала къ дому Гернову и у онаго остановилась. Изъ оной вышла женщина уже въ лѣтахъ, виду важнаго, однакожъ одѣта была просто. Госпожа Гернъ была въ своей лавкѣ: она повела ее съ обыкновеннымъ учтивствомъ въ свою горницу. Старушка поклонясь Луизѣ, оборотилась къ госпожѣ Гернъ и говорила: я вижу, сударыня, по работѣ, которую отправляетъ ваша дочь,

что я не обманулась. Это не дочь моя, но сродница, отвѣчала госпожа Гернъ. Старуха приняла видъ удивленiя; но однакожъ, сказала она, дѣло не до того. Я прислана сюда, продолжала она, отъ Графини П... Она видѣла нѣкоторыя штучки одной весьма искусной женщины, которая находится у госпожи Гернъ, или какъ ей сказывали, дочь ея. Она желаетъ имѣть одну такойже работы, и какъ она хочетъ сама съ нею о томъ поговорить; то приказала мнѣ взять свою коляску и ѣхать сюда, чтобъ попросить ее къ себѣ — Все сiе говорила она госпожѣ Гернъ такъ, какъ будто тутъ и не было Луизы, и съ такою прiятною и хитрою невинностiю, что и самой проницательной человѣкъ могъ бы обмануться. Луизу уже не въ первой разъ зывали къ большимъ

госпо-

господамъ , она за три дни предъ симъ ѣздила къ Принцессѣ фонъ. . . , и такъ она о семъ ни мало не сомнѣвалась. Я та самая женщина, говорила она старухѣ , о которой вы говорите , я за щастїе почту ѣхать къ Графинѣ. Но вы знаете, моя душа, сказала госпожа Гернъ, что вы не должны брать болѣе работы; извѣстной вамъ господинъ за то осердится, онъ васъ весьма много о томъ просилъ. Она сїе сказала съ важнымъ видомъ. Но повѣрьте мнѣ, сударыня, говорила старуха , сїю дѣвицу ; и когда я васъ еще не знаю, то могу ли вамъ что нибудь сдѣлать худаго; впрочемъ вы не должны ничего опасаться , я уже лѣтъ 15 при Графинѣ , но могу похвалиться , что моимъ поведѣнїемъ заслужила ея довѣренность. Дозвольте мнѣ , дражайшая моя прїятельница ,

ѣхать съ сею доброю женщиною, сказала Луиза; то еще будетъ чрезъ мѣсяцъ, а мнѣ между тѣмъ скушно безъ работы, и извѣстной господинъ ничего не потеряетъ, когда я ее возьму — Естьли вы того хотите, то я на то согласна — при сихъ послѣднихъ словахъ Луиза пошла въ свою горницу, одѣлась, вышла, сѣла съ старухою въ коляску и поѣхала.

Бѣдное дитя! Куда ты ѣдешь! Естьли бы ты послушалась своей пріятельницы! Но чрезъ сіе будетъ извѣстно, сколь велика твоя добродѣтель?

Луиза ничего худаго не опасалась, а старуха на дорогѣ разсказывала ей басенки. Переѣхавъ они довольное разстояніе, чего однакожъ Луиза не могла примѣтить, по причинѣ безпрестанныхъ разсказовъ своей спутницы; коляска ихъ

ѣхала

ѣхала уже за вороты. Какъ? вскричала обманутая дѣвица, мы уже ѣдемъ за вороты? Развѣ я вамъ не сказывала, отвѣчала старуха, что ея Графское Сїятельство живетъ внѣ города въ своихъ садахъ? Нѣтъ, отвѣчала Луиза, вы мнѣ о томъ ничего не говорили. Такъ конечно я забыла, отвѣчала она, Ея Сїятельство всегда лѣтнее время провождаетъ въ садахъ, вы можете тамъ наслаждаться вольнымъ воздухомъ, и увидите садъ наилучшїй въ семъ городѣ. О возвращенїи своемъ не заботьтесь, я васъ черезъ два часа въ сей же коляскѣ назадъ отвезу. По сихъ словахъ коляска поѣхала, и Луиза успокоилась. Четверть часа ѣхали они садами и загородными домами, которые довольно были велики. Теперь мы скоро прїѣдемъ, сказала старуха. Потомъ

коляска ихъ остановилась передъ однимъ домомъ, которой не имѣлъ ничего отмѣннаго, и не походилъ на Графской. Здѣсь мы выдемъ, сказала вожатая Луизѣ, и чрезъ сїи покои пройдемъ къ Графскому дому, которой стоитъ прямо за садомъ. Луиза вышла. Передъ домомъ стояла привязана хорошо убранная верьховая лошадь; по видимому сїе обстоятельство ничего не значило, но въ послѣдствїи будетъ оно имѣть свое мѣсто. Старуха вела Луизу за руку, которая такъ, какъ агнецъ, ведомый на закланїе, ничего не опасалась. Едва она вышла изъ коляски, то оная поскакала со двора. Мадамъ! Вскричала она, наша коляска уѣхала назадъ! Не безпокойся, мой Ангелъ, сказала старуха; эти люди опять прїѣдутъ, они тамъ живутъ; а естьли ихъ и не

не будетъ, то здѣсь людей и лошадей много, и я васъ опять провожу, какъ скоро вы отправитесь. Хотя сіи обстоятельства и видъ дома нѣсколько обезпокоивалъ сію дѣвицу, однако она послѣдовала своей вожательницѣ. Прошедши оныя покои увидѣла только вмѣсто Графскаго дому длинныя низкія каменныя полаты, которыя не очень были хороши. При семъ явленіи начала она подозрѣвать, но точно не знала, что она должна была подозрѣвать; ибо ей сей родъ похищенія былъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ спросила она дрожащимъ голосомъ, не этотъ ли домъ Ея Сіятельства? Ступайте только, отвѣчала старуха, вы скоро увидите. Какъ скоро они пришли къ дому, то ея провожатая отворила одну горницу и велѣла ей въ оную войти. Луиза

въ ономъ ничего не нашла Графскаго, мобель за сорокъ лѣтъ могла бы почесться очень хорошею, но тогда она показывала, что уже за старостїю отставлена. Какъ скоро она вошла въ нее, то старуха сказала ей, подождите не много здѣсь, я вамъ скоро представлю товарищей; послѣ сего тутъ заперла ея и пошла въ боковую горницу; отъ сего чуднаго приключенїя начала Луиза дрожать совсѣмъ въ незнакомомъ мѣстѣ. — Не въ Графской комнатѣ — въ которой заперта, какъ плѣнница — что бы все сїе значило? Не обманули ли меня? Но за что меня обмануть? Я никого не огорчила, я здѣсь никого не знаю — я должна ожидать, что изъ того будетъ — такъ она разсуждала, какъ вдругъ бокавая горница отворилась, и изъ оной вышла

ста-

старуха съ двумя молодыми дѣвками, которыя изъ себя были не худы, но нерадиво и пышно одѣты. Вотъ, прекрасная моя дѣвица, говорила она Луизѣ, я привела вамъ товарищей, проводи съ ними время какъ хочешь, я обѣщаю вамъ сверьхъ того доставить прïятное содержанïе, и думаю, когда вы привыкните къ нашей жизни, что у насъ время не покажется вамъ скучнымъ.

Отъ сей рѣчи Луиза изумилась. По нѣкоторомъ размышленïи оборатилась она къ старухѣ: мадамъ! я не понимаю, что вы мнѣ говорите, я думаю, что вы хотите, что бы я сдѣсь дѣлала свою работу; но я ее здѣсь дѣлать не соглашаюсь, и вы мнѣ о томъ ничего не говорили. Дитя мое, отвѣчала старуха, оставьте теперь мысли о работѣ и Графинѣ, вы здѣсь не должны

работать, но только веселиться. Но что вы хотите, отвѣчала Луиза, чрезъ сїе сказать? Не говорите такими загадками. Когда нѣтъ здѣсь для меня работы, такъ за чемъ же меня сюды привезли? Я васъ покорно прошу, отпустить меня назадъ! Для чего я васъ сюда привезла, отвѣчала она, скоро вы узнаете, я вамъ сказываю, что этотъ домъ есть домъ радости, около вечера посѣщаютъ насъ изъ города молодыя прїятныя господчики, съ которыми вы можете веселиться, только севоднишней день вы будете имѣть съ тѣмъ дѣло, кто васъ сюда велѣлъ привести — Небо! Сколь много сїи слова поразили бѣдную Луизу! — Тутъ то она узнала, что попалась въ безчестное общество безпутныхъ дѣвокъ. Она поблѣднѣла, но сїе не

долго продолжалось, гнѣвъ скоро заступилъ мѣсто ужаса, лице ея отъ ярости начало краснѣть. Первыя явленія ея негодованія были ужасны, но мало ей помогали. Старуха всегда говорила тихо, и заставляла ее бѣситься. Она ей повторяла, что все это ей не поможетъ, она должна успокоиться, и не скучать. Обѣ Нимфы ее также уговаривали; но ничто не могло помочь. Луиза примѣтя, что симъ не успѣваетъ, начала просить. Она столь много проливала слезъ, и умоляла столь чувствительно, что одна изъ тѣхъ дѣвокъ онымъ тронувшись просила старуху, чтобъ сію дѣвицу оставить одну, что можетъ быть она и одумается. Старухѣ сіе понравилось, но какъ скоро она хотѣла удалиться, то вдругъ дверь отворилась, и въ оныя взошла одна малень-

маленькая фигурка женскаго рода. Изъ глазъ ея можно было видѣть честной ея промыслъ, которымъ она достаетъ себѣ хлѣбъ; ибо она была честная хозяйка сего стыдливаго дома. Что это здѣсь дѣлаютъ? вскричала она сиповатымъ голосомъ, какъ жирная и до сыта накормленная моська. Это та дѣвица, сказала старуха, оборотясь къ своднѣ, о которой нынче по утру говорилъ Арнольдо? Она, отвѣчала старуха. Ну дѣвица, говорила она къ Луизѣ, есть ли это вы, но что такое, кажется будто вы плакали и теперь плачите. Вы на лицо красивы, довольно велики, вамъ здѣсь будетъ хорошо; здѣсь весьма ищутъ такихъ товаровъ. — Мадамъ! Сказала Луиза, съ прозьбою, естьли вы, какъ я примѣчаю, повелительница въ семъ домѣ, то

здѣ-

здѣлайте со мною милость, прикажите меня отсюда отпустить; меня сюда завезли весьма гнусным и стыдным обманом, я вам здѣсь не могу быть полезною: ибо я вам божусь, что, есть ли вы меня тепер не отпустите, то я себя при первом нападенїи на мою честь умерщвлю! Я кленусь вам Всемогущим Богом, что не переживу своего посрамленїя! Ха! ха! ха! захохотала сїя тварь, тише, тише! Любезная дѣвица. Тѣм вы никого не устрашите, тѣ птички лучшїе, которыя так попѣвают.

Сїя поносная рѣчь снова привела Луизу в бѣшенство. Она призывала в своем гнѣвѣ небо и ад на помощь, призывала Бога и людей к отмщенїю. Она угрожала всѣх тѣх разорвать, которыя осмѣлятся к ней приближиться

в

въ намѣренїи лишить ея чести. Она бы произвела сїе намѣренїе въ дѣйство, естьли бы хозяйка не обходилась снисходительно съ сею новою гостьею, и естьли бы помянутая дѣвка не упросила ее выттить вонъ и Луизу оставить одну. Хозяйка на сїе согласилась, но Луиза оборатясь къ ней говорила: когда я здѣсь должна остаться, то прими всемогущїй Боже невинность мою въ защищенїе! Я слабая бѣдная дѣвка, силою освободиться не могу, принуждена буду терпѣть таковое несчастїе; но отведите мнѣ по крайнѣй мѣрѣ маленькую горницу и оставьте меня одну! Какъ сїе предложенїе хозяйкѣ весьма понравилось, и ея намѣренїя къ тому же клонились, ибо она сама хотѣла о томъ предложить: то тотчасъ ей оную отвели. Она повела ее съ двумя

Ним-

Нимфами и старухою въ верхнюю горницу, въ которую ее приведши заперла.

Тутъ мы ее на нѣсколько времени оставимъ и обратимся къ Бенстонѣ, которая была причиною всѣхъ сихъ дьявольскихъ выдумокъ. Какъ скоро старуха вышла изъ коляски и пошла въ домъ Герновъ, то негодной Арнольдо дожидался до тѣхъ поръ, пока къ величайшей его радости не увидѣлъ ее съ Луизою садящуюся въ коляску. Какъ скоро сїе сдѣлалось, то онъ за нею слѣдовалъ до самыхъ воротъ, и видя, что она щастливо отправилась, воротился назадъ. Пошелъ къ Бенстонѣ и увѣдомилъ ее, что дѣло щастливо совершено, и что дѣвица теперь въ назначенномъ уже мѣстѣ: радость блистала въ проклятыхъ ея глазахъ, услыша сїе извѣ-

извѣстiе. Она тотчасъ послала его къ молодому Б. . ., чтобы онъ ему разсказалъ весь случай, и потомъ сказать ему, что бы онъ около вечера въ домъ М. . . поѣхалъ, но чтобы прежде побывалъ у Бенстоны. Все сiе исполнилъ Арнольдо съ обыкновенною своею ревностiю, и принесъ Бенстонѣ радостную вѣдомость, которая ему за столь вѣрно отправленную услугу заплатила двести гульденовъ.

Уже былъ первой часъ по полудни, а Луиза еще не возвращалась домой. Сiе возбудило въ госпожѣ Гернъ нѣкоторое подозрѣнiе. Она дожидалась ее до двухъ часовъ обѣдать; но Луиза не являлась, и она о томъ весьма печалилась. Послѣ двухъ часовъ она одѣлась, и пошла къ палатамъ Графини, куда взяли Луизу. Полученной

тамъ отвѣтъ, утвердилъ ея подозрѣнїе. Тамъ не знали ни о старухѣ ни о Луизѣ. Она отъ самой Графини сїе услышала. Она опять пошла домой; кудажъ она теперь должна была итти? Бѣдная, невинная Луиза! вскричала она со слезами, гдѣ ты, гдѣ я тебя могу найти? Небо, да защититъ твою невинность; бѣдная! Конечно попалась ты въ сѣти, которыя тебѣ какой нибудь злодѣй разставилъ, и теперь ты находишся въ порочныхъ его рукахъ! О Боже! сжалься на мои слезы, и пошли мнѣ опять мою дочь! — Послѣ первыхъ движенїй своей печали вознамѣрилась она итти къ П. . ., и объявить ему сїю ужасную новость; но вдругъ произошло въ ней новое подозрѣнїе, которое всѣ ея члены сдѣлало трепещущими. Какъ — говорила она

сама себѣ, ежели П. . . самъ сдѣлалъ сїю проклятую шутку — ежели онъ самъ тотъ злодѣй — не здѣлалъ ли уже онъ одинъ разъ — потомъ вознамѣрилась она остаться дома, и проплакала остальную часть дня.

Въ третьемъ часу П. . . обыкновенно ѣзжалъ въ кафейной домъ, а въ пятомъ къ Луизѣ. Онъ и нынѣ тоже сдѣлалъ. Въ кафейномъ домѣ одинъ весьма учтивой молодой человѣкъ, сынъ одного богатаго купца, разсказывалъ въ собранїи между прочими разговорами, что онъ нынѣ передъ обѣдомъ ѣздилъ въ домъ М. . . (онъ былъ тотъ, котораго лошадь была привязана у воротъ.) куда, когда онъ тамъ былъ, привезли одну молодую женщину такой красоты, что онъ никогда еще подобной не видалъ. Онъ спрашивалъ толстую

надзирательницу, кто она такова, и можно ли ему ее получить? На первое ему ничего не отвѣчали, на второе сказали, что завтре — Каждой слушалъ сїе съ обыкновеннымъ равнодушїемъ, каковое при такихъ разговорахъ случается, и П. . . также совсѣмъ о томъ не думалъ, что бы сїя женщина, о которой говорили, была обладательница его сердца: въ пятомъ часу пошелъ онъ домой и его коляска была уже готова; но одинъ его прїятель пришелъ къ нему поговорить о дѣлѣ, и продержалъ его до половины седьмаго часу. Сїе замедлѣнїе утвердило Гжу. Гернъ въ ложномъ ея подозрѣнїи. Въ седьмомъ часу прїѣхавъ П. . . въ домъ Герновъ, взошелъ въ горницу. Онъ засталъ Гжу. Гернъ съ обвязанною головою и красными глазами. Ужаснымъ голо-

сомъ встрѣтила она его, гдѣ Луиза? — Сыщите мнѣ опять мою Луизу, или Божїе мщенїе васъ за то постигнетъ! Видъ, съ какимъ Гжа. Гернъ его встрѣтила, и голосъ, съ какимъ она говорила, сдѣлали П... неподвижнымъ. Что значитъ разсѣянное ваше лице, сїя загадка! Гдѣ Луиза? Луиза? Любезная моя Луиза, гдѣ ты? Во время сихъ словъ ужасъ имъ объялъ, и онъ поблѣднѣлъ какъ мертвой. Гжа. Гернъ сїи знаки принявъ за истинное доказательство его невинности, разсказала ему, въ короткихъ словахъ, что по утру произошло, и что она съ тѣхъ поръ не видала Луизы. О Боже! вскричалъ П... и бросился на стулъ; но въ сїю минуту вспомнилъ онъ о томъ, что разсказывалъ молодой человѣкъ въ кафейномъ домѣ, онъ не сумнѣвался

ся

ся ни одной минуты, что бы то не была Луиза туда отвезена. ОнЪ вскочилЪ, говоря: небо и адЪ! и побѣжавЪ вонЪ какЪ молнія, сѣлЪ вЪ коляску. ОнЪ велѣлЪ своему кучеру какЪ можно погонять своихЪ лошадей, что бы вЪ минуту быть дома, и такЪ полетѣлЪ. Гжа. ГернЪ, ничего не зная, что бы заключить о семЪ поступкѣ, думала сначала, что П. . . сошелЪ сЪ ума, и весьма безпокоилась о его отсудствіи. П. . . . скоро очутился дома, мы его оставимЪ тамЪ до тѣхЪ порЪ, пока не придетЪ обЪ немЪ рѣчи; но теперь опять обратимся кЪ Луизѣ.

Горница, вЪ которую отвели сію нещастную жертву, казалась весьма способною кЪ усмиренію упрямыхЪ. Она была вЪ верьхней и отдаленной части дома, и была

сущая темница. Какъ скоро ее въ оную ввели, заперли дверь, и оставили одну: то отдалась она великой печали. Она плакала, кричала, просила, дрожала и словомъ, она была какъ бѣшеная. По прошествїи четверти часа нѣсколько успокоилась. Подошла къ окошку, но не могла его открыть. Въ сїю минуту начала она думать о своей свободѣ. Сїю окончину можно выбить — вышина не очень велика, платье мое, разрѣзанное на части, мнѣ въ оном поможетъ — такъ это хорошо, я сїе сдѣлаю, сїи были ея разсужденїя у окошка. Она въ своемъ карманѣ нечаянно нашла къ величайшей своей радости маленькїя ножницы. Она ихъ выняла, и поцѣловала отъ радости. Ты вѣрное творенїе! должно мнѣ теперь помочь; но хотя мнѣ оное и не удастся, то по-

край-

крайнѣй мѣрѣ поражу я тобою сердце того злодѣя, для котораго, какъ мнѣ сказывала старуха, я сюда привезена. Въ сїю минуту, отворилась дверь, и одна дѣвка принесла кушанье, которое съ великою учтивостїю поставила на столъ. Что это такое, спросила Луиза? это для васъ кушанье, отвѣчала та. Убирайся! говорила Луиза, и скажи недостойной своей госпожѣ, что я лучше съ голоду умру, нежели въ семъ проклятомъ домѣ, наполненномъ всѣми мерзостями и пороками, стану принимать пищу. Дѣвка смотрѣла на нее сожалительнымъ видомъ, ничего не говорила и вышла вонъ. Теперь она опять осталась одна и была заперта. Потомъ начала она опять думать о средствахъ къ своему избавленїю; а когда сїе не удастся, то выдумывала о своемъ защи-

щенїи. Она хотѣла предостеречся сколько возможно; взяла кроватъ, которая была въ горницѣ, и придвинула оную къ дверямъ, также поставила на нее стулья и столикъ, и наконецъ вынувъ изъ прекрасныхъ своихъ волосъ серебряную булавку, утвердила ею дверь сколько могла. Послѣ сихъ разпоряженїи стала она на колѣни, и просила Бога, которой ей помогалъ во многихъ нещастїяхъ, и избавлялъ отъ многихъ опасностей, что бы также и при семъ случаѣ ея освободилъ; а ежели сего не возможно сдѣлать, то умоляла его милосердїе, что покрайнѣй мѣрѣ прежде, нежели нанесутъ ей безчестїе, что бы принялъ ея душу — такимъ образомъ проводила она время до шести часовъ. Въ сїе время въ домѣ началось движенїе, отъ чего Луиза

затрепетала. Она слышала стукЪ каретЪ и лошадей, и наконецЪ звукЪ музыки; сей шумЪ внизу отчасу умножался. Начало уже смеркаться, и уже былЪ седьмой часЪ вЪ исходѣ, а свѣчи не подавали, что было Луизѣ весьма прїятно. Она сидя вЪ своей горницѣ, какЪ голубица, отлученная отЪ своего стада, на чужей крышкѣ ожидала, и опасалась, какЪ наконецЪ нѣкто прїѣхалЪ, и ужаснымЪ голосомЪ вскричалЪ, гдѣ она? ЧрезЪ минуту послѣ того начали отпирать дверь, а Луиза поручила душу свою Богу — дверь не могли отворить, укрѣпленная булавка дѣлала сопротивленїе. Хозяйка, кричала, что бы отворила дверь, но Луиза ничего не отвѣчала. НаконецЪ дверь выломали, и сЪ оною все, что подлѣ нее ни стояло, опрокинули.

Представте, любезная пріятельница, ужасъ бѣдной Луизы, когда увидѣла молодаго Б. . . съ свирѣпымъ лицемъ, въ которомъ блистали всѣ пороки, А! вскричалъ онъ, прекрасная Мамзель Г. . . . мы здѣсь съ вами видимся? Это очень прекрасно. Вы мнѣ прежде отказывали, но теперь вы въ моей волѣ! Слушайте, не дѣлайте никакихъ отговорокъ, здѣсь за дверьми я имѣю помощъ, вы должны теперь согласиться! Государь мой, вскричала Луиза, сжальтесь надо мною! Сжальтесь надъ бѣдною, которая никогда васъ не оскорбляла. Не посрамляйте своего имени симъ гнуснымъ и недостойнымъ дѣйствїемъ, за которое совѣсть ваша непрестанно будетъ васъ угрызать. — Шутите! Сударыня, отвѣчалъ Б. . . . къ чему такія отговорки? Сожалѣнїе,

со-

совѣсть, къ чему такъ обморачивать? Дѣло въ томъ только; при сихъ словахъ, хотѣлъ онъ ее схватить, но Луиза отскочила, и взявъ свои ножницы, обратила ихъ концами противъ его, съ ужаснымъ видомъ. Нещастной, вскричала она отчаяннымъ голосомъ, не приближайся ко мнѣ, или умрешь на семъ мѣстѣ. Я клянусь тебѣ всемогущимъ Богомъ, когда употребишь силу, то я душу твою отправлю въ адъ! При сихъ словахъ Б. . . изумился, но въ самую ту минуту взошелъ дїаволъ во образѣ женщины съ двумя своими помощницами. Дѣвка! вскричала она, (это честная хозяйка) что тебѣ поможетъ твое противоборство? Ну, Государь мой, не бойтесь ножницъ въ рукахъ слабой дѣвки? Примайтесь дѣвки. И съ симъ словомъ бросились четыре

тыре собаки на бѣдную Луизу, какъ фуріи. Она мнѣ сказывала, что не знала, отъ чего она тогда получила столь бодрости и силы, что никогда такой крѣпости не имѣла, также совсѣмъ оставила страхъ, вступила въ бой съ неустрашимостію. Какъ толстая хозяйка была первая, то она первую ея и сразила. Луиза свои маленькія ножницы съ великою жестокостію такъ вонзила въ плечо, что оныя въ немъ остались. Б... получилъ отъ нее такой ударъ въ животъ, что закашлившись отступилъ назадъ, и обѣ дѣвки очень струсили. Луиза столько имѣла бодрости духа, что схватила опрокинутой столикъ, и оной передъ собой поставила. Въ сихъ обстоятельствахъ внизу слышенъ былъ шумъ и кричали: Хозяйка! Хозяйка! Сіе нѣсколько остановило сра-

сраженїе; чрезъ минуту слышенъ былъ великой стукъ по лѣсницѣ, и вдругъ П. . . показался съ двумя своими людьми, и съ заряженными пистолѣтами въ горницѣ. Едва Луиза увидала своего избавителя; то произнеся проницательной крикъ упала безъ памяти на землю отъ замѣшательства, безсилїя и радости. А! вскричалъ П. . . , вы здѣсь Б. . . это хорошо, что мы встрѣтились! Здѣсь нѣкому насъ разнять, и разниметъ одна смерть; какъ скоро онъ сїе сказалъ, то выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Б. . . повалился къ его ногамъ и дѣвки отъ страху разбѣжались. Мы оставимъ Луизу въ обморокѣ, а возвратимся нѣсколько назадъ къ нашей повѣсти.

Какъ скоро П. . . отъ Герна домой прїѣхалъ, то кликнулъ двухъ слу-

служителей, которыхъ силу и ревность къ себѣ испыталъ онъ въ одномъ путешествіи, сказалъ имъ, что онъ сегоднишній день имѣетъ нужду въ ихъ мужествѣ для произведенія одного весьма важнаго дѣла; спрашивалъ ихъ, хотятъ ли они ему слѣдовать! Они отвѣчали ему единогласно: это только бы онъ ихъ повелъ; они ему съ радостію послѣдуютъ. Потомъ приказалъ своему служителю принести три верьховыхъ платья, велѣлъ своимъ сопутникамъ зарядить пистолеты и исправивъ и оное, сказалъ имъ, что они должны дѣлать при семъ предпріятіи, и что бы ни о чемъ не заботились, онъ самъ за все будетъ отвѣчать. Какъ скоро лошадей оседлали, то они тотчасъ сѣли на оныхъ, и поскакали въ домъ М. . ., куда однакожъ

П. . . велѣлъ пріѣзжать своей каретѣ. Они прибыли въ домъ въ то время, когда въ Луизиной горницѣ началось жестокое сраженіе— Какъ скоро П. . . вступилъ въ сѣни, то кликалъ громко хозяйку, и какъ она не являлясь, то онъ повторялъ нѣсколько разъ. Это былъ тотъ крикъ, которой слышенъ въ верьху и котораго испугались. П. . .! П. . .! кричали нѣкоторые, бывшія тутъ его приятели, что это значитъ, къ чему такой жаръ? Подите къ намъ, вино хорошо, мы будемъ его распивать; но бросьте пистолеты, здѣсь все добрые друзья. Конечно, отвѣчалъ П. . . я ихъ брошу, но тогда только, когда выстрѣлю изъ нихъ по тому, для кого они заряжены; онъ иснова началъ кликать хозяйку. Онъ поймалъ одну дѣвку, вшедшую въ горни-

горницу, спрашивалъ ее съ свирѣпымъ видомъ: скажи, негодница, гдѣ та дѣвица, которую сего дни привезли въ сей проклятой домъ? Естьли ты мнѣ сего въ сїю минуту не скажешь, то я тебя и всѣхъ гнусныхъ твоихъ товарищей обращу въ пепелъ. Это была та дѣвка, которая приносила Луизѣ кушанье; она такъ отъ того испугалась, что ее схватили, и такъ грозно спрашивали, что никакъ не отговариваясь повела П. . съ двумя его лакѣями по лѣсницѣ прямо къ горницѣ Луизиной, въ которой гнусное преступленїе было наказано. Помощїю сбѣжавшихся людей Б. . . вынесенъ былъ въ другую горницу, котораго всякой почиталъ мертвымъ, а П. . обратился къ Луизѣ: но представте его изумленїе, когда онъ ее увидѣлъ въ весьма жалкомъ состоя-

стоянии. Платье ея было изорвано, и она была до половины нага, какъ будто бы сражалась съ четырьмя собаками. Сверьхъ того въ отчаянности получила она ударъ въ носъ, отъ чего кровь текла ручьями на ея грудь. П... увидя то и опасаясь, что, не пораженали она въ оную, разкрылъ тотчасъ въ великомъ своемъ смятеніи ея груди, къ величайшему своему удовольствію не нашелъ онъ раны на томъ мѣстѣ, на которомъ въ первой разъ увидѣлъ всю ея красоту. Между многими людьми, которыхъ любопытство туда привлекло, было нѣсколько женщинъ; онѣ помогали П... при Луизѣ, и онѣ были столь щастливы, что наконецъ ея крѣпкимъ спиртомъ и другими нужными средствами привели въ себя. Она благодарила своего избавителя,

ля и съ радостными слезами просила его не минуты болѣе не медлить въ семъ гнусномъ домѣ. И такъ онъ ее повелъ въ торжествѣ при очахъ многимъ зрителей въ карету, сѣлъ съ нею вмѣстѣ и поѣхалъ прямо къ Гжѣ Гернъ. Между тѣмъ послали за лекаремъ, потому что примѣтили въ Б. . . нѣкоторыя знаки жизни, также нуженъ былъ оной и для хозяйки. Лѣкарь пришедъ осмотрѣлъ рану перваго, и нашелъ, что она смертельна; однакожъ былъ онъ столько щастливъ, что привелъ его въ себя. Онъ вытащилъ также съ великимъ трудомъ ножницы изъ плеча хозяйки, отъ чего сїя чувствовала великую боль, и думали, что выдетъ отъ того мерская ея душа. Къ отцу Б. . . послали одного вѣстника съ объявленїемъ о нещастїи его сына,

и

и онъ по утру велѣлъ его привезти въ городъ.

Какъ Луиза доѣхала до воротъ своей названной матери: то Гернъ отворилъ оныя, ибо онъ возвратился отъ путешествія. Едва увидѣлъ сей доброй человѣкъ, что Луиза въ каретѣ, то тотчасъ къ оной подбѣжалъ, изъ оной ея вывелъ и понесъ на своихъ рукакъ въ горницу. Жена его все ему разсказала, что ни происходило. Весь домъ восклицалъ: Луиза! Луиза! Гжа Гернъ, которая отъ печали лежала уже на кроватѣ, вскочила въ одной рубашкѣ, и обнимала найденную свою дочь; радость ея столь была велика, что она совсѣмъ не примѣтила П. . . ., и совсѣмъ не думала о томъ, въ чемъ она была.

П. . . тотчасъ отправилъ свою карету за своимъ лекаремъ, меж-

жду тѣмъ утружденную Луизу положили на постелю. Лекарь прїѣхалъ, и узнавъ обстоятельно о приключившемся, пустилъ ей тотчасъ кровь, и давши ей слабительное, велѣлъ ее оставить до утра въ покоѣ. П. . . видя, что все уже въ безопасности и разсказавъ Герну и его женѣ все, что происходило съ Луизою, поѣхалъ домой. Луиза въ сїю ночь спала не очень спокойно; она часто пробужалась отъ сновъ, которые ей представляли случившееся днемъ. Въ седьмомъ часу взошла къ ней Гжа. Гернъ. Луиза хотѣла встать, но не въ силахъ была поднять своей головы, и на ея щекахъ былъ румянецъ. П. . . . скоро пришелъ вмѣстѣ съ своимъ лекаремъ. Сей осмотрѣвъ больную, пощупавъ пульсъ, и распросивъ ее, узналъ, что въ ней великая лихо-

радка,

радка, и приписалъ потребныя къ тому лекарства. П.. цѣлой день не отходилъ отъ своей любовницы, онъ сидѣлъ подлѣ ея кровати, и чувствовалъ всю ея болѣзнь. Предъ вечеромъ увеличился Луизынъ жаръ, она весьма начала безпокоиться, и наконецъ бредить. П.. отчаявался въ ея состоянїи. Она грезила все о приключившемся ей въ прошедшїй день, ея горячая фантазїя столь была жестока, что великаго стоило труда удержать ея на кровати. Она кричала и бранила страшнымъ голосомъ, а иногда умоляла своего мучителя столь трогательно, что всѣ предстоящїе проливали слезы. Къ утру жаръ ея нѣсколько уменьшился, и она уснувъ часа съ два отъ великой усталости нѣсколько оправилась; и какъ открыла она глаза,

то первой взору ея попавшійся, былЪ П. . сидѣвшій подлѣ ея кровати. О! государь мой! говорила она, слабымЪ и едва слышнымЪ голосомЪ, какою великою благодарностію я вамЪ обязана! — БезЪ васЪ была бы я теперь можетЪ между мертвыми, или была бы жертвою злодѣяній. — Успокойтесь, дражайшая и любезнѣйшая моя Луиза! отвѣчалЪ онЪ; я самЪ себѣ сдѣлалЪ сію великую услугу, я благодарю Божеское милосердіе, что оно послало меня освободить Ангела свѣта отЪ мрачнаго жилища ада! КакЪ скоро будетЪ вамЪ легче, то я употреблю всѣ свои силы, чтобЪ всѣ ваши претерпенныя печали загладить великими веселіями. — ТакЪ, государь мой, было нѣкогда такое время, вЪ которое я онаго надѣялась; но теперь, теперь оное изчезло, и

съ онымъ вся моя надежда — Я васъ любила нѣжно, и теперь еще люблю — для чего вамъ не объявить сїе признанїе при дверяхъ смерти? Но теперь я не могу быть вашею. Вы знаете, гдѣ вы меня нашли. Хотя я освобождена подъ защищенїемъ Божїимъ непорочна изъ обиталища пороковъ: но одна наружность будетъ мнѣ напредки вредна. Я чувствую, что смерть ко мнѣ приближается. Любезнѣйшая всего на свѣтѣ Луиза! сказалъ тронутой П. . . немучте смертельно уязвленное сердце вашего друга; сими словами пронзаете вы его сердце какъ кинжаломъ — не думайте болѣе о злодѣяхъ, небо приметъ вашу невинность подъ свое защищенїе. — Вы должны — вы будете моею, или я буду воздыхать весь остатокъ бѣдной моей жизни въ печа-

ли и сѣтованіи — Луиза хотѣла было еще говорить, но лекарь взошелъ въ горницу, и ей помѣшалъ; онъ осмотрѣвъ больную, узналъ что П. . . съ нею разговаривалъ, и что для нее было весьма вредно. Онъ видя опасность сей особы, говорилъ, что спокойствіе для нее весьма нужно: и такъ естьли вы не хотите сдѣлаться ей врагомъ; то ее оставте; но П. . . не могъ онаго снести, онъ только всталъ со стула. и пересѣлъ на другой къ окошку. Тутъ онъ сидѣлъ какъ мраморной истуканъ надъ гробомъ своей любовницы. Луизу слабость привела въ томной сонъ. Лекарь снова просилъ П. . . . выйтить изъ горницы, и увѣрялъ его, что онъ можетъ къ ней притти тогда, когда сдѣлается полегче. Но его склонить къ тому было не-

воз-

возможно, онъ только перешелъ на другое мѣсто, и сѣлъ въ головахъ у кровати, гдѣ его за зановѣсью не можно было примѣтить, и обѣщался ни слова не говорить, такъ, какъ будто бы его тутъ и не было.

По прошествїи часа Луиза проснулась. Она видѣла у своей кровати Гжу Гернъ и одну старушку, которую прислалъ П. . . съ тѣмъ, чтобы она помогала Гжѣ. Гернъ при больной. Ея глаза искали человѣка, котораго она весьма желала видѣть. Гдѣ, П. . .? спросила она, онъ ушелъ? Такъ моя любезнѣйшая дочь, отвѣчала Гжа Гернъ, необходимыя нужды его вывели, но онъ опять скоро придетъ. О! любезная моя прїятельница! есть ли я умру, то утѣште сего добраго и любви достойнаго человѣка, говорила Луиза — я его никогда

такъ много не любила, какъ теперь, когда намѣрена его оставить. — Не печальте насъ, отвѣчала Гжа Гернъ начальными мыслями о смерти. — Вы не умрете, вы должны быть щастливы, сїи наши желанїя, — это конечно такъ, но не всѣ наши желанїя исполняются. — Сей былъ ея отвѣтъ. Я думаю вы мнѣ повѣрите, что П. . . при семъ разговорѣ отъ печали былъ при смерти.

Между тѣмъ то, что происходило въ домѣ М. . . вездѣ было извѣстно. Всякъ говорилъ противъ сего столь проклятаго предпрїятїя, сами люди П. . . оное распространяли; но какъ слухъ всегда ходитъ съ прибавкою, то оное весьма увеличилось. Вездѣ знали, что сїе не простой дѣвкѣ, но Луизѣ Г. . . приключилось, самыя ея сродники чрезъ то пробуди-

будились ; и начали сожалѣть о судьбѣ сей невинной дѣвицы. А особливо когда узнали, что П. . . хочетъ на ней жениться. Б. . . весьма ругали, и только не доставало предводителя, а то бы чернь чудовища, оказавшаго уже многїе случаи своего неистовства, вытащила изъ дому и растерзала бы его на части. Самыя Бенстоны злое сердце трепетало, она опасалась открытїя ; она объявила Арнольду свой страхъ, и склонила его къ тому, что онъ убѣжалъ за границы сей республики. Но онъ не избѣжалъ праведнаго правосудїя Божїя. Какъ изъ конца сей исторїи увидимъ. Хозяйка въ домѣ М. . . лежала въ великой опасности отъ раны, и лекарь не имѣлъ никакой нужды въ ея выздоровленїи. Старая сводня была безопасна ; ибо никто

кромѣ

кромѣ Арнольда не зналъ, что она дѣлала. П. . . препроводилъ все почти время въ домѣ Герновомъ, пока его невѣста была въ опасности. Наконецъ къ неизрѣченной его радости и щастїя Луиза выздоровѣла и чрезъ три недѣли была она въ состоянїи вставать съ постели. Какъ скоро его попеченїя съ сей стороны были ненужны, то вознамѣрился онъ, хотя его Луиза весьма просила оныя дѣла бросить противъ всѣхъ учинившихъ ей такое безчестїе, начать судъ. Б. . . между тѣмъ временемъ было гораздо лехче, хотя пуля попала прямо въ грудь; но она не повредила никакого жизненнаго члена, и великимъ искусствомъ лекаря былъ онъ внѣ опасности. Старой Б. . . скоро узналъ, что П. . . вознамѣрился продолжать оное дѣло; и будучи

увѣ-

увѣренъ о великомъ преступленіи своего сына, опасался худыхъ изъ того слѣдствій, когда дѣло пойдетъ въ завяску. Его подлость скоро изобрѣла къ тому средство. Онъ пошелъ къ П. . . и просилъ его покорно въ униженныхъ словахъ оставить оное. Сынъ мой, говорилъ онъ, достоинъ наказанія, я это знаю, и его погубить въ вашей состоитъ волѣ, но здѣлайте удовольствіе моимъ сѣдинамъ, и простите ему сію погрѣшность для меня. Я буду! — Для васъ? Прервалъ его рѣчь П. . . сынъ вашъ злодѣй, вы его онымъ здѣлали, и это отъ того, что вы ему отъ подлой скупости не дали пристойнаго воспитанія, и потакали всѣмъ его дурачествамъ. Для васъ конечно я ему не прощу; вы того достойны, чтобы сынъ вашъ былъ на висилицѣ. Преступленіе его

его не есть погрѣшность, какъ вы оное называете, оно есть безстыдное своевольство; онъ поступилъ противъ человѣчества, и заслуживаетъ наказанїе какъ разбойникъ. Ежели опустить это своевольство, то какъ могутъ быть безопасны отцы вразсужденїи своихъ дочерей отъ такихъ безстыдныхъ. Скупецъ видя, что П. . былъ несклоненъ, употребилъ подлость; онъ сталъ предъ нимъ на колѣни, говорилъ ему какъ старуха. Хотя великодушной П. . симъ униженїемъ не былъ доволенъ, но сердце его сжалилось, и душа его столь была велика, что онъ ему проспилъ. Старикъ обѣщался, что какъ скоро сынъ его выздоровѣетъ, то передъ ногами Луизы будетъ просить прощенїя въ своемъ проступкѣ. П. . обѣщался ему оставить сїе дѣло,

только чтобы сынЪ его никогда не являлся глазамЪ Луизы. Хозяйка дома непотребныхЪ женщинЪ избѣжала мщенія П. . . своею смертію. Не взирая на всѣ употребляемыя старанія не могли удержать, чтобы кЪ ранѣ не присталЪ АнтоновЪ огонь; она отЪ того чрезЪ мѣсяцЪ умерла. ВЪ продолженіи сего времяни кусками рѣзали ее тѣло, отЪ чего чувствуя великую болѣзнь, проклинала себя и Арнольда, котораго почитала тому причиною. И такЪ сія язва умерла вЪ рукахЪ своихЪ учтивыхЪ и щедрыхЪ дѣвицЪ. Б. . . былЪ весьма чувствительно наказанЪ, и БенстонЪ, будучи всѣхЪ виноватѣе, была только испугана, а оставлена для того, чтобы болѣе продолжать свою злость, и получить за свои пороки опредѣленное наказаніе.

Теперь

Теперь всѣ препятствія, мѣшающія Луизину благополучію, щастливо кончились. Она совсемъ выздоровѣла. Ея спокойствіе опять возвратилось, и П. . . предпріемлемое ею противъ самой себя предразсужденіе щастливо побѣдилъ. Она примирилась съ своими сродниками, которые обѣщались ей все прошедшее предать забвенію, она вошла въ фамилію П. . ., и никто изъ его сродниковъ не былъ столько доволенъ ея красотою и разумомъ, какъ дядя П. . ., котораго онъ болѣе всѣхъ опасался. Сей чистосердечной и любви достойный пожилой человѣкъ, обнялъ весьма нѣжно Луизу и называлъ ее своею дочерью. Любезная моя дочь, говорилъ онъ, Вильгельмъ мнѣ говорилъ весьма много о васъ добраго, и я все знаю, что между вами происходило; и когда онъ,

хотя

хотя избрать васЪ своею женою, спрашивалЪ сперьва на то моего согласія, я на оное согласился. ОнЪ бы могЪ взять весьма богатую дѣвицу, но богатыя рѣдко бываютЪ хорошія. Однако и ты, любезная моя дочь! не бѣдна, все мое имѣніе есть твоимЪ приданымЪ, и я хочу, что бы ВильгельмЪ оное такЪ принялЪ. А самЪ я буду жить у васЪ, и вы должны подкрѣплять мою старость, и когда я умру, то закройте мои глаза. — ОнЪ ей тогда подарилЪ брилїантовой головной уборЪ, и обнялЪ ее при прощанїи такЪ какЪ отецЪ.

БракЪ ЛуизинЪ и П. . . былЪ празднованЪ сЪ великою пышностїю, всякой желалЪ щастїя такой прекрасной и добродѣтельной супругѣ. И такЪ Луизина добродѣтель и постоянство торжествовало надЪ

нещастїемъ и врагами. Бракъ ея былъ щастливѣйшїй на нѣсколько времени, и она бы на всегда была щастлива, ежели бы непроницаемое провидѣнїе онаго иначе не похотѣло. Новыя печальныя облака нещастїя должны были собраться на Атмосферѣ ея щастїя, которыя наконецъ многими громовыми ударами разогнаны. Подлинно, любезная моя прїятельница! потребно много добродѣтели, много постоянства, много закона, когда при ея невинности, переходить изъ нещастїя въ нещастїе, и разсуждать о всякомъ ударѣ. Слабой и тлѣнной смертной! сколь много онъ заблуждается въ такихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, его дерзкїй языкъ ропщетъ противъ премудрости и правосудїя Всемогущаго, не думая о томъ, что

вмѣсто

вмѣсто отвращенія нещастія, болѣе оное умножаетъ, и все онаго стремленіе на себя обращаетъ. Но вы всегда увидите постоянство Луизы, и одной только ей сіе приписать можно, что она находилась въ семъ волнующемся и неспокойномъ морѣ, и наконецъ щастливо спаслась. Щастливъ тотъ человѣкъ, который сіи нравоучительныя примѣры обращаетъ въ свою пользу и щастіемъ и нещастіемъ своего ближняго исправляется! Луиза бракъ свой начала благодѣяніемъ. Она въ Генриховомъ домѣ многимъ наслаждалась. Она всѣхъ П. . . благодѣяніемъ обязала. Мужъ ея будучи самъ милостивъ и нѣженъ и обладая великимъ богатствомъ, поручилъ ей на другой день своего брака золотомъ 10000 талеровъ, чтобы она употребляла оныя по

своему изволенію. Она обѣщалась ему за оныя благодарить, заслужить сію его милость и употребить оныя деньги на доброе. Она велѣла здѣлать такуюже коробочку, какую она прежде дала Госпожѣ Гернъ, и оную отъ сей великодушной и некорыстолюбивой женщины обратно получила. Она запечатала оную съ 50 дукатами въ пакетъ, и еще присовокупила къ оному кошелъ съ 100 дукатами. Мужъ засталъ ее въ семъ упражненіи, и спросилъ: что это она дѣлаетъ? Я хочу заплатить долгъ моя мать, отвѣчала она, это тѣ деньги, которыя я занимала у моей матери, великодушной Гжи. Гернъ. Потомъ разсказала она то, что сіе значило, и онъ столько тѣмъ тронулся, что ея обнявъ, выхвалялъ доброе ея сердце, и присовокупилъ къ прежнимъ

нимъ еще 100 дукатомъ; Луиза надписала на пакетѣ, для распространенія торгу Гернова. Съ онымъ и нѣкоторыми малостями для маленкой Луизы, поѣхала она послѣ обѣда къ своей пріятельницѣ. Она примѣтила въ первой разъ, что сія достойная женщина принимала ее съ подобострастіемъ; но Луиза тѣмъ была не очень довольна, желая чтобы она съ ней по прежнему обходилась дружески. Я всегда буду, говорила она, вашею дочерью, а вы должны навсегда остаться моею пріятельницею Характеръ Гжи. П. . . всегда останется характеромъ дѣвицы Риттеръ. Хотя я теперь и богатѣе прежняго, но симъ я не должна гордиться. Чѣмъ выше мы восходимъ, тѣмъ большею бываемъ обязаны должностію, и тѣмъ рачительнѣе

 обяза-

бязаны оную исполнять. Подлинно, дражайшая моя пріятельница, когда бы я столь была велика какъ Августъ, и обладала бы Крезовомъ богатствомъ, а имѣла бы худое сердце, то бы была тѣмъ нещастнѣе. И такъ не причиняй скорби моему сердцу, и обходись со мною попрежнему, или я сіе приму знакомъ, что вы сумнѣваетесь въ добротѣ моего сердца. Впрочемъ дражайшая, вспомните, что вы меня своимъ великодушіемъ принудили принять то, что вы прежде отъ меня получили. Я тогда сдѣлала обѣщаніе, что бы оный долгъ съ великою благодарностію возвратить, естьли небо приведетъ меня въ лучшее состояніе. Сіе, о Боже! твоимъ милосердіемъ! исполнилось, и такъ я должна совершить свое обѣщаніе, я оное исполняю

со всякою радостїю. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ не откажете, это будетъ знакомъ, что вы мнѣ великая прїятельница. При сихъ послѣднихъ словахъ положила пакетъ въ руку плачущей своей прїятельницы, простилась и уѣхала. Прїѣхавъ домой, велѣла позвать къ себѣ всѣхъ служителей. Она дарила женщинъ новымъ платьемъ, а мущинъ деньгами. А тѣхъ, которые были съ П... въ домѣ М... болѣе всѣхъ наградила, и сею къ нимъ милостью, сверьхъ того тихимъ своимъ нравомъ, столь много ихъ къ себѣ привязала, что всѣ служители ее почитали, и служили ей усердно.

Луиза два года проводила съ любезнѣйшимъ своимъ супругомъ въ великомъ удовольствїи. Онъ былъ всегда нѣжнымъ, ласковымъ

и вѣрнымЪ супругомЪ такЪ, какЪ вЪ первыя мѣсяцы своего брака, и находилЪ всякой день новыя пріятности вЪ своей возлюбленной Луизѣ. Она сЪ своей стороны старалась ревностно заслуживать его любовь; они другЪ друга предЪупреждали вЪ желаніяхЪ.

ВЪ одинЪ день П. . . сЪ купцами сЪ пятью своими товарищами долженЪ былЪ разсуждать о нѣкоторомЪ дѣлѣ, а какЪ оное дѣло было важно, и чтобы имЪ непомѣшали: то избрали кЪ тому нѣкоторой загородной домЪ, ибо сїе было весною. Они велѣли тамЪ изготовить обѣдЪ, и остались тамЪ на цѣлой день. ОкончавЪ свое дѣло сѣли за столЪ. КакЪ они были одни, и всѣ великїя друзья; то разговоры ихЪ были вольны и веселы. Вино было хорошо, и начало имѣть свое дѣйствїе. Они раз-

разговаривали о разныхъ веселыхъ матеріяхъ, наконецъ зашелъ разговоръ о женщинахъ, и предложили вопросъ: что естьли такія женщины въ семъ Голландскомъ городѣ, которыя не взирая на всѣ искушенія, кромѣ насилія, остались бы добродѣтельны и непорочны? Всѣ почти оное отрицали. Нѣтъ ни одной крѣпости, говорили они, которая бы наконецъ не здалась искусному осаждателю. П . . . держалъ одинъ сторону прекраснаго пола. Я не могу говорилъ онъ, подтверждать сіе мнѣніе; ибо нѣтъ ни одного правила безъ изключенія. Я васъ увѣряю, что изъ тысящи найдется одна женщина, которая всѣ средства, употребляемыя противъ ея добродѣтели, сдѣлаетъ тщетными: то она одна и дѣлаетъ уже изключеніе. Для чего вы столь ревностно

но держите сторону сего пола, отвѣчалъ одинъ, именемъ С. . ., котораго слабости никто изъ насъ болѣе васъ не испыталъ. С. . . . былъ также богатой купецъ, около 30 лѣтъ, и еще не женатъ, собою пригожъ, но скупъ и корыстолюбивъ, притомъ великой смельчакъ, которой для большаго прибытку не заботился о своей жизни, и которой къ достиженїю своего намѣренїя склоненъ былъ ко всякимъ подлостямъ. П. . . . отвѣчалъ на его вопросъ слѣдующее: это правда, я имѣлъ случай испытать слабость онаго пола, нѣкоторыя изъ нихъ были крѣпки, но наконецъ побѣждались, и не было ни одной, которая бы была не побѣдима. Тогда и я былъ такогоже мнѣнїя, и столь долго онаго держался, пока не узналъ Луизу Г. . ., ту наилучшую женщину,

щину, которая теперь моею женою. — И такъ вы думаете, отвѣчалъ С. . ., что ваша жена всѣ искушенія испытала, и вамъ навсегда будетъ вѣрною? Конечно, государь мой, отвѣчалъ П. . . . съ горячностію, я въ томъ столько увѣренъ, что готовъ за то положить мою голову въ закладъ. — На что голову, отвѣчалъ С. . . . ударемтесь объ закладъ о нѣкоторой суммѣ денегъ, я беру на себя доказать вамъ вѣрность моего мнѣнія, только вы должны мнѣ обѣщаться не дѣлать въ томъ никакого препятствія, и не сказывать о томъ ничего своей женѣ. О нѣкоторой суммѣ, горударь мой, говорилъ П. . ., это малость, и какъ дѣло очень важно, то я ставлю имѣніе противъ имѣнія. Естьли я пробью, то въ немъ уже мнѣ болѣе не будетъ нужды, ибо

я

я послѣ сего недолго буду жить; а естьли выиграю, то получу ваше, и буду имѣть удовольствїе, что накажу васъ за то, что вы мнѣ хотѣли сдѣлать такое посрамленїе. Но мое имѣнїе, отвѣчалъ С. . . нестоль велико, какъ ваше. Въ томъ нѣтъ нужды, отвѣчалъ сей, хотя бы оно въ половину было меньше. Ну хорошо, сказалъ С. . . коли такъ, такъ я бьюсь. Другїе тутъ присудствующїе, которые до сихъ поръ молчали, употребляли всѣ силы уничтожить закладъ, чрезъ которой одинъ которой нибудь долженъ былъ совсемъ раззориться, но разгорячившагося П. . . ни чѣмъ не можно было уговорить. Онъ велѣлъ принести перо, чернилъ и бумаги, письменно написалъ закладъ и положилъ въ ономъ срокъ на полгода; онъ и С. . . подписались

лись такъ, какъ закладчики, а прочїе какъ свидѣтели. Онъ обѣщался С. . . ни въ чемъ не препятствовать (только, чтобы съ Луизою не употреблять никакого насилїя) и ничего о семъ своей женѣ не сказывать, что послѣднѣе болѣе подкрѣпляло С. . . Пункты сего заклада были подпечатаны, и отданы одному старшему изъ всѣхъ тутъ находящихся, а прочїе все обѣщались, чтобы содержанїе онаго въ назначенной срокъ обыкновеннымъ порядкомъ разобрать; наконецъ все собранїе обязалось, ни слова о томъ не говорить, разошлось.

П. . . въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ великое дурачество. По прошествїи полгода, долженъ онъ быть или щастливѣйшимъ или нещастливѣйшимъ супругомъ. Однакожъ его въ томъ можно нѣсколько изви-

винитъ, отчасти для того, что его довѣренность на добродѣтель Луизы была не ограничена, отчасти, что онъ, въ томъ, какъ послѣдующее покажетъ не обманулся, только жалъ, что сїе открытїе послѣ того чрезъ годъ случилось. Изъ чего, дражайшая моя прїятельница, можно заключить, что всякой человѣкъ всегда хвастается тѣмъ, что онъ имѣетъ превосходнѣйшаго: я думаю, что сей общїй порокъ болѣе происходитъ отъ тщеславїя. Мы тѣмъ не довольны, что обладаемъ прекрасною женою и великимъ богатствомъ, но желаемъ также, чтобы каждой зналъ, что мы тѣмъ щастливы; и оныя преимущества въ нашихъ глазахъ теряютъ тѣмъ свою цѣну, естьли про нихъ никто не знаетъ. Зависть и ненависть суть спутники

ники сего хвастовства, но оныя намъ въ такихъ случаяхъ пріятны. Чтожъ должно дѣлать, что бы людей освободить отъ сего порока? Мнѣ кажется, что они должны бы были родиться безъ сердца, естьли бы не имѣли тщеславія. И какъ онаго не можетъ быть, то по крайнѣй мѣрѣ должно стараться, какъ возможно, оное уменьшать. — Когда вамъ, моя дражайшая, сіе разсужденіе не понравится, то вы оное можете вымарать, я хотѣлъ только тѣмъ показать, какъ я о томъ думаю.

Отъ сего времени С. . ., былъ всякой день въ П. . . домѣ. Какъ онъ былъ учтивъ; имѣлъ хорошее воспитаніе, видѣлъ свѣтъ и умѣлъ въономъ обращаться: то не былъ непріятенъ Гжѣ. П. . ., и она не зная ничего о его намѣреніяхъ сдѣлалась ему пріятельни-

ницею. Онъ игралъ искусно на флейтѣ, а она на клавикортахъ и прекрасно пѣла, чемъ препровождали весьма пріятно свое время. П. . . ничего не опасаясь, и не подозрѣвая покидалъ ихъ часто однихъ по причинѣ своихъ дѣлъ. Однакожъ С. . . между тѣмъ весьма старался, что бы Луиза не примѣтила его намѣренія. Онъ хотѣлъ сперва болѣе вкрасться въ ея дружбу, а потомъ отважиться говорить ей о любви, а естьли сіе не удастся, то употребить другія средства. Четыре недѣли прошло въ семъ стараніи С . . ., какъ П. . . принужденъ былъ, отъѣхать около 60 миль вразсужденіи именія своего дяди, которой, (о чемъ чуть было я не позабылъ напомнить,) скончался въ объятіяхъ П. . . и Луизы. Обстоятельства того не дозволяли,

чтобы оное дѣло поручить кому нибудь другому, за тѣмъ что дѣло было перепутано, и малѣйшимъ нерадѣнїемъ долженъ бы онъ былъ лижиться великой суммы. Онъ далъ знать своей женѣ о своемъ намѣренїи. Она сначала оному противилась и употребляла всѣ старанїя его удержать, но когда онъ сказалъ ей причины, то наконецъ она на оное согласилась. Насталъ день разлуки, и они разстались съ великою нѣжностїю; каждой желалъ скорѣйшаго опять свиданїя. Путешествїе П. . . было щастливо. Онъ увѣдомилъ свою супругу въ наполненномъ нѣжностїю письмѣ, что нашелъ дѣло въ такомъ безпорядкѣ, что не прежде шести недѣль думаетъ оныя кончить. Онъ просилъ ее, что бы сїе время про-

вождала весело, и обѣщался ей часто о себѣ увѣдомлять.

С. . . . . думая сїе отсудствїе П. . . употребить въ свою пользу, началъ продолжать свое посѣщенїе къ его женѣ. Луиза, будучи весьма добродѣтельна, хотя въ присудствїи своего мужа въ сотовариществѣ его находила невинное увеселенїе; но теперь желала бы она лучше, что бы онъ не ѣздилъ. Какъ оное было ея добродѣтели противно; то она давала ему оное разумѣть; и какъ онъ притворялся будто онаго не понимаетъ, то еще чаще сталъ ее посѣщать: она ясно объявила ему свое мнѣнїе. Естьли вы, какъ я думаю, говорила она, честной и добродѣтельной человѣкъ, то конечно отложите свои посѣщенїя, которыя мнѣ всегда прїятны до возвращенїя моего мужа,

жа, изъ сего могутъ быть худыя разсужденія, которыя хотя и ложны, но для насъ невыгодны — Какъ? Любезная моя пріятельница! отвѣчалъ С. . . что вы мнѣ тѣмъ хотите сказать? Можетъ ли такими добродѣтелями украшенная женщина, какъ вы, взирать на разсужденіе свѣта, которой отчасти наполненъ предразсудками? Конечно, государь мой, говорила Луиза, этого не довольно, что бы мы только сами знали, что мы добродѣтельны, но также должно убѣгать всѣхъ случаевъ показывающихъ, что мы перестаемъ быть оными. Разсужденія разумныхъ не должны мы пренебрегать, а что касается до неразумныхъ, то мы должны убѣгать всѣхъ случаевъ, могущихъ подать имъ какой нибудь наружной видъ. Но при всей сей осто-

рожности, отвѣчалъ С. . ., не можно избѣжать, что бы не разсуждали иначе, какъ мы думаемъ. Это правда, отвѣчала Луиза, конечно не можно того избѣжать; но то для меня по крайнѣй мѣрѣ будетъ утѣшенїемъ, когда я увѣрена, что я все дѣлала по возможности, быть тѣмъ, чѣмъ кажусь; и самыя мысли, что свѣтъ несправедливо разсуждаетъ, будутъ для меня побужденїемъ, не подавать случаевъ къ неправильному разсужденїю, а хотя сїе и случится, то я буду тѣмъ довольна, что знаю, что я невинна. Я думаю вамъ не безъизвѣстно, сколь много видно изъ опытовъ, что многїя невинныя особы отъ злословїя другихъ получили нещастїе? С. . . . слушалъ все сїе съ молчанїемъ, и не могъ оному противорѣчить. Но когда я вамъ

скажу, отвѣчалъ онъ наконецъ, что П. . . просилъ меня при своемъ отъѣздѣ, васъ посѣщать? Я сїе конечно принимаю знакомъ его ко мнѣ любви, но когда бы я объявила ему причины, для чего я сего не желаю, то конечно и онъ оныя почелъ бы справедливыми. —

С. . . . чувствовалъ справедливость Луизиныхъ рѣчей. Онъ бы могъ болѣе извиняться, но не хотѣлъ сдѣлаться подозрительнымъ, и такъ обѣщался ей не часто прїѣзжать; только съ тѣмъ условїемъ, что бы ея дружба тѣмъ не уменьшилась. Луиза въ ономъ ему обѣщалась, и онъ съ ней простился. Сїя постоянность Луизы, которую онъ называлъ упорствомъ, и твердая ея добродѣтель, отвергающая все, что только могло подать видъ противъ благопри-

стойности дѣлала ему великое безпокойство, и онъ примѣтилъ еще тогда, что ему трудно обыкновеннымъ средствомъ достигнуть своего намѣренія; однакожъ онъ вознамѣрился оное испытать. Женщины, говорилъ онъ самъ себѣ, весьма удивительныхъ и чудныхъ свойствъ, ихъ хитрость неограниченна, они по большей части бездѣлицу болѣе уважаютъ, нежели что нибудь важное, многія опыты могутъ служить тому доказательствомъ. Луиза можетъ не столь тверда, какъ думаютъ. Она противилась первымъ объятіямъ П. . . ; но такая разумная женщина, легко могла предвидѣть слѣдствія, могущія произойти отъ того сопротивленія, въ чемъ и не обманулась. Произшедшее въ домѣ М. . . еще менѣе значитъ. Тутъ была она принуждаема, а при-

принуждаемая на все можетъ отважиться. Однакожъ онъ почелъ за нужное сдержать свое слово, онъ два дни не ѣздилъ, и выдумывалъ въ сіе время, какимъ бы образомъ достичь своего намѣренія. Въ третій день послѣ обѣда пріѣхалъ къ ней; онъ велъ себя столь скромно, и противъ своего обыкновенія притворился, что бы удобнѣе достичь своего намѣренія тихимъ. Онъ сидѣлъ погруженнымъ въ глубокихъ мысляхъ, и казалось едва слушалъ, что Луиза говорила; онъ такъ хорошо сіе сдѣлалъ, что Луиза тотчасъ ѣіе примѣтила, и когда она на него взглядывала, и ея глаза встрѣчались съ его: то онъ робко свои опускалъ, и испускалъ томныя вздохи. Короче, онъ игралъ роль влюбленнаго столь искусно, что будто и въ самомъ дѣлѣ былъ онымъ.

Луиза не была столь непрозорлива, что бы не примѣтить сего поступка. Сколь не была она невинна и добродѣтельна, однакожъ понимала, что сїе значило. Она подозрѣвала С. . . . въ порочномъ его пламени, и сїи мысли произвели въ ней нѣкоторой стыдливой румянецъ. Она хотѣла сперьва спросить о причинѣ его задумчивости, однако того не сдѣлала. Чрезъ сїе спаслась она открытїя сего подлеца; ибо его намѣренїе было дождаться отъ нее сего вопроса, и потомъ ей открыть свою любовь, и объявить ей, что чрезъ то сталъ нещастнѣйшимъ человѣкомъ, онъ бы конечно сїе исполнилъ, естьлибы не пришла тогда къ ней въ горницу одна ея прїятельница. Гжа. П. . . весьма обрадовалась сему посѣщенїю, которое вывело ея изъ великаго смущенїя.

щенія. С. . ., пробылъ еще съ полчаса, уѣхалъ.

Какъ скоро Луиза осталась одна, то разсуждала о поступкѣ С. . . она видѣла, что въономъ не обманывается. Она разсуждала долго, что не подала ли сама случая къ сему развращенію, но ничего не могла вздумать, что бы ему сдѣлала. Впрочемъ не могла удержаться, что бы изъ сожалѣнія не пролить нѣсколько слезъ о безпорядкѣ, которой она примѣтила въ сердцѣ сего человѣка. Она вознамѣрилась притвориться, будто ничего не примѣтила, а когда онъ столько будетъ дерзокъ, что въ томъ ей откроется: то хотѣла ему въ ономъ сдѣлать строгой выговоръ, и отказать въ своемъ дружествѣ. Она осталась при семъ намѣреніи, и нѣсколько успокоилась. С. . . опять не показывался

ей три дни, но четвертой опредѣлилъ къ своему предпріятію. Онъ только представлялъ злой свой умыселъ, какъ бы погубить П. . . съ его женою, и достичь своего намѣренія. Хотя и трудно мнѣ достичь свои намѣреніи, говорилъ онъ самъ себѣ, но я надѣюсь то, что на первой разъ употребленныя мною злодѣйства успѣшны будутъ, и такъ мой закладъ и выигранъ. — Онъ нашелъ Луизу только одну, и почелъ сей случай удобнымъ къ своему предпріятію. Она сидѣла за своими клавикордами, и не мало ужаснулась, увидя его вшедшаго къ ней въ горницу. Онъ сдѣлалъ ей съ обыкновеннымъ своимъ учтивствомъ поклонъ, и какъ она встала и сѣла на окошко, то онъ взявъ ея стулъ, сѣлъ подлѣ клавикордовъ, игралъ и пѣлъ весьма

влюб-

влюбленную арїю, и какъ онъ ее окончалъ, то просилъ Гжу. П. . . дать ему одну штучку изъ ея нотъ. Онъ сдѣлалъ сїе для того, что бы сманить ее съ окошка. Луиза подошла къ клавикордамъ выдвинуть маленькой ящичекъ, въ которомъ лежали ноты. Она приколола въ сей день къ своей груди цвѣты, которыя едва держались. С. . . сїе примѣтя, былъ столько дерзокъ, что хотѣлъ ей оныя самъ поправить, при чемъ былъ столько неучтивъ, что своимъ пальцамъ далъ болѣе вольности, нежели благопристойность требовала. Луиза отскочила назадъ, и выговаривала ему съ великимъ негодованїемъ за дерзость. Она съ безпокойствомъ отъ него отворотилась и сѣла опять на окошко; едва только она обернулась: то увидѣла С. . . у своихъ ногъ. Она

отъ

отъ сего явленія въ такое пришла смущеніе, что не могла выговорить ни одного слова, ниже подняться — о несравненная моя пріятельница! вскричалъ С. . . . сдѣлавшись при семъ случаѣ смѣлѣе; я болѣе не въ силахъ скрывать отъ тебя ту тайну, отъ которой сердце мое несноснѣйшими терзается мученіями. Сжалься надъ нещастнымъ, которой не въ состояніи болѣе противиться, чтобы не обожать твои несказанныя прелести. — Такъ любезная моя пріятельница! я тебя полюбилъ съ перваго дня, когда тебя увидѣлъ, былъ я взоромъ твоимъ пораженъ какъ молнія, и уже болѣе не въ моей волѣ противиться сей страсти, къ преодолѣнію которой силъ моихъ не достаетъ. — При концѣ сего гнуснаго открытія, Луиза пробудилась. Она хотѣла

тѣла встать, и не отвѣчая ничего вытти изъ горницы. Но С . . . столь крѣпко держалъ ея колѣна, что она того не въ состоянiи была сдѣлать. Обыкновенная ея бодрость не оставила ее, она хотѣла добровольно освободиться изъ его рукъ. — Ахъ! Государь мой! что вы мнѣ говорите? Возможно-ли чтобы это было въ правду? Но встаньте, мы можемъ о томъ говорить въ другомъ положенiи. Горница не заперта, и когда кто нибудь взойдетъ и найдетъ васъ въ семъ положенiи; то мы оба можемъ быть нещастны. — С. . . послушался, всталъ и освободилъ Луизу. Какъ скоро оное сдѣлалось, то она старалась скорѣе поспѣшать къ дверямъ и въ оныя уйти, С. . . сiе примѣтя ее удержалъ. Онъ видя, что добровольно ея къ тому склонить не можно, при-

нялъ

нялъ другія намѣренія. Онъ схватилъ Луизу прежде, нежели могла она оправиться, правою рукою, а лѣвою зажавъ ротъ, потащилъ ее на стоящую въ той горницѣ кровать съ опущенными занавесками. Сія кровать была П. . . едва она къ оной коснулась, то вспомнила, что у мужа ея всегда на стѣнѣ за зановѣсью висѣла пара заряженныхъ пистолетовъ, которыя онъ въ случаѣ нужды употреблялъ. Она выдернула одну руку, и щастливо достала одинъ пистолетъ. Она оборотила оной на лобъ С. . . ., и сколько сіе чудовище ни разгорячилося, однакожъ сіе его привело въ великой ужасъ. С. . . вдругъ отскочилъ, однако Луиза такъ блиско по немъ выстрѣлила; что пуля отшибла одинъ високъ, а онъ упалъ на полъ. Но какъ онъ не

не получилъ никакого вреда; то тотчасъ опять вскочилъ, и зная что слуги прибѣгутъ на выстрѣлъ, схвативъ свою шляпу, бѣжалъ какъ возможно скорѣе.

Луиза сама оное примѣтя, тотчасъ оправя головной свой уборъ и платье, приняла спокойной видъ. Оное въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось, чрезъ двѣ минуты послѣ того взошли слуги въ горницу; они увидя дымъ, пороховой запахъ, и и лежащїй на полу пистолетъ, испугались. Но Гжа. ихъ скоро изъ того вывела. Не бойтесь ничего, говорила она съ смѣющимся видомъ, любопытство мое, меня и васъ устрашило. Я нашла сей пистолетъ за кроватью моего мужа, и разглядывая его выронила изъ рукъ и онъ выстрѣлилъ. — Служители радуясь, что любезной ихъ Госпожѣ никакого вреда

не сдѣлалось, были довольны сею баснею и разошлись. С.. при своемъ побѣгѣ изъ горницы былъ уже въ нижнемъ этажѣ, и услыша бѣганїе слугъ, которые сами не знали куда бѣжали, подумалъ что это за нимъ, и спрятался въ одинъ чуланъ подъ лесницею, куда кладутъ дрова, тутъ онъ столь долго пробылъ, пока въ домѣ все успокоилось, и какъ все уже стало тихо, то выкрался изъ онаго какъ воръ.

Вы легко можете представить, любезная моя прїятельница, что сїе приключенїе бѣдной Луизѣ причинило ужасной страхъ. Она послѣ того принуждена была лѣчиться и вразсужденїи ея здоровья, не было никакихъ худыхъ слѣдствїй; однако сердце ея отъ того весьма безпокоилось. Сїе приключенїе, привело ей на память

и прежнія. Она видѣла, что уже въ третій разъ насильнымъ образомъ хотѣли лишить ея чести, она проливала о семъ множество слезъ, и вспомня, что всегда съ помощію Бога отъ онаго избавлялась, пала на колѣни, и принося Богу чистосердечную молитву благодарности, просила его также, что естьли и впредь будутъ такія искушенія, тобъ подкрѣплять силы, дабы оныя побѣждать. Въ слѣдующій день писала она къ своему мужу, и просила его весьма убѣдительно, какъ возможно скорѣе пріѣзжать, хотя изъ того понесетъ нѣкоторой убытокъ, она болѣе безъ него не можетъ жить и лучше желаетъ лишиться великой суммы, нежели долго его не видать; однакожъ она ничего ему не объявляла о случившемся и приняла намѣре-

нїе, никому о томъ не открывать, и радовалась о томъ, что ей удалось обмануть служителей. Но при всѣхъ сихъ хорошихъ намѣренїяхъ, никому болѣе вреда не причинила, кромѣ себя; естьли бы она увѣдомила своего мужа, то бы конечно онъ тотчасъ прїѣхалъ, ибо при закладѣ весьма строго запрещено было и малѣйшее насилїе; и С. . . онымъ хотя достигнетъ своего намѣренїя, то все онъ пробьетъ свой закладъ. П. . . не только бы лишилъ его имѣнїя, но сверьхъ того предалъ бы его также суду. Но невинная Луиза ничего о томъ не зная, и не дѣлая изъ того никакихъ заключенїй, объ ономъ умолчала.

Не подумаете ли вы, моя дражайшая, что С. . . почиталъ свой закладъ проиграннымъ, и что бы онъ отъ сего не дѣлалъ

болъ.

большихъ покушеній? Вы бы довольныя имѣли причины такъ думать, однакожъ сіе иначе случилось. Какъ онъ послѣ сего безумнаго предпріятія пришелъ домой, то бросился на стулъ. Онъ разсуждалъ о всемъ происходившемъ, и впалъ почти въ отчаяніе, когда видѣлъ, что его закладъ проигранъ. Проклятое корыстолюбіе! вскричалъ онъ, къ чему ты меня привело! скоро я буду такъ бѣденъ, какъ нищей — — но сіе случится тогда, когда я буду нещастливъ: и такъ я не долженъ совсѣмъ отчаяваться, чтобъ не употреблять всѣхъ возможныхъ средствъ къ поправленію моего нещастія — я на все буду отваживаться, и когда ничто не поможетъ — тогда отчаяніе! тогда ты мнѣ будешь нужно! тогда жизнь не будетъ мнѣ мила! лучше

ше умереть, нежели вести бѣдную оставленную жизнь — — По семъ намѣреніи отчаянное его сердце нѣсколько ободрилось. Потомъ онъ выдумывалъ средства, наконецъ по многихъ избралъ одно, которое удобнѣйшимъ казалось къ достиженію мерскаго его намѣренія.

Гжа. П. . . по прошествіи нѣкотораго времени получила отъ своего мужа отвѣтъ. Онъ увѣдомлялъ, что дѣла его скоро кончатся, и онъ думаетъ, что неотмѣнно чрезъ двѣ недѣли возвратится. Онъ просилъ ее успокоиться, и ничего не упускать, что можетъ принести ей удовольствіе. П. . . писалъ въ тоже время къ одному купцу въ А. . ., до котораго онъ имѣлъ нѣкоторое дѣло; онъ его также увѣдомилъ, что чрезъ двѣ недѣли пріѣдетъ, а отъ сего узналъ

зналъ С. . . онъ видѣлъ, что сïе время должно ему употребить въ свою пользу, и что уже ему ничего не можно сдѣлать, когда П. . . прïѣдетъ домой. Онъ вознамѣрился склонить на свою сторону ту дѣвку, которая ходитъ за Госпожею П. . . Какъ онъ не смѣлъ показаться въ ея домѣ: то старался ее гдѣ нибудь увидѣть, и какъ она ему попалась, то просилъ ее къ себѣ переговорить о нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ. Дѣвка не зная, что между имъ и ея госпожею происходило, не могла догадаться, для чего С. . . . перестал къ нимъ ѣздить. С. . . . имѣлъ весьма краснорѣчивый языкъ, и его поступки были весьма ласкательны. Ему стоило сперва нѣкотораго труда склонить сïю дѣвку къ невѣрности, но какъ къ тому присоединилъ 30 Луидоровъ,

и обѣщался болѣе, когда она поможетъ въ его намѣренїи: то деньги и обѣщанїе побѣдили ея честность, и она ему совсѣмъ здалась. С... требовалъ отъ нее, чтобы она его ночью пустила въ спальню ея госпожи; но она сего не могла сдѣлать, ибо Луиза со времени поступка ея съ С...., свою спальню всегда запирала, а ключь отъ оной всегда имѣла при себѣ. Сей бы разговоръ тѣмъ и кончился, естьлибы дѣвка не вспомнила о томъ, что изъ горницы П..., которая была подлѣ спальни, есть дверцы за обоями. Дѣвка сїе ему открыла, и какъ было весьма удобно войти въ горницу П..., то она обѣщалась провести его и въ спальню къ своей госпожѣ. С.... обнявъ ее отъ радости, просилъ ее, чтобы она была ему вѣрна, и обнадѣживалъ

ее

ее собственнымъ ея щастїемъ, обѣщаясь ей дать не малую сумму денегъ, и выпросить на волю. Она все ему обѣщала; С.... несумнѣвался болѣе о хорошемъ успѣхѣ, и напередъ радовался, что выиграетъ закладъ, и радовался также о происходящихъ отъ того слѣдствїяхъ. Но мы его здѣсь должны на нѣсколько оставить, и обратиться къ тѣмъ особамъ, которые принимаютъ участїе въ сей исторїи.

Между тѣмъ, какъ все сїе происходило, имѣла Луиза новую причину къ печали, получивъ извѣстїе о потерянїи любезной своей прїятельницы. Гжѣ. Гернъ съ нѣкотораго времени сдѣлался какой то припадокъ. Она излѣчилась отъ него на нѣкоторое время, но оной опять отрыгнулся, и наконецъ столько усилился, что

она уже была при смерти. Луиза посѣщала ее каждой день, и ея сердце состоянїемъ сей искренней прїятельницы весьма трогалось. Честная сїя женщина могла бы быть опять прибѣжищемъ Луизѣ, какъ послѣдствїе покажетъ, но ея смерть въ томъ воспрепятствовала. Гжа. Гернъ скончалась спокойно, добродѣтельная ея душа оставила совсѣмъ изсохшее тѣло, что бы вкусить сладость своихъ добродѣтелей. Луиза видѣла ее умирающую. Удовольствїе, спокойствїе души, надежда будущаго, всѣ сїи были виды, съ которыми она умирала; да и самая смерть не могла оныхъ загладить. Луиза старалась сама о похоронахъ, и приказала положить надъ нею великолѣпной камень. Она въ самомъ дѣлѣ лишилась при семъ не только прїятель-

тельницы, но и нѣжной матери, которая въ бѣдныхъ обстоятельствахъ ея жизни подкрѣпляла ее своими совѣтами, и во всѣмъ нужномъ помогала; и такъ скорбь Луизина была справедлива. Она просила Герна, которой по смерти своей жены весьма былъ печаленъ, чтобы онъ отдалъ ей маленькую свою дочь, пока она своихъ дѣтей не будетъ имѣть, на воспитанiе, но сего нѣжнаго отца не можно было къ тому склонить.

Луиза съ одной стороны оплакивала смерть своей прiятельницы; а съ другой радовалась, что умеръ величайшей ея врагъ. Старой Б. . . . сполгода назадъ совершенно взбѣсился, что отъ слѣдующаго произошло случая. Въ А. . . воспослѣдовало паденiе одного дома, бывшаго въ лучшемъ состоянiи, и никто не думалъ,

что бы оное съ нимъ случилось, при ономъ многїе купцы имѣли великой убытокъ, и Б... былъ въ семъ же числѣ. Его убытокъ стоилъ около 40 тысячь талеровъ. Сїя сумма для такого человѣка, какъ онъ, была бы мала; но вразсужденїи его скупости была очень велика. Ужасной гнѣвъ былъ первымъ дѣйствїемъ сего убытка, за симъ слѣдовало великое сожалѣнїе, и наконецъ бѣшенство. Его состоянїе было ужасно. Онъ былъ съ двумя караульными заперть въ одной горницѣ, и не одинъ разъ покушался на свою жизнь. Всѣ его дѣйствїя были сильны, и рѣчи его состояли въ ужасныхъ проклятїяхъ. Никого онъ столько не проклиналъ, какъ нещастнаго Генриха Г... 40 тысячь талеровъ! кричалъ онъ, не ужасно ли это! но продолжалъ онъ, по нѣкото-

которомъ молчанїи, это ничто; я получилъ столькоже при паденїи Генриха Г. . ., однако ты и мертвой опять у меня оныя похитилъ, не мучь меня болѣе адскими мученїями! и при сихъ словахъ впадалъ въ такое бѣшенство, что привязывали его руки и ноги веревками къ кровати. Сынъ его почти о томъ не безпокоился, онъ велъ разпутную жизнь, и не краснѣясь говорилъ, что смертїю своего отца освобождается отъ неволи, въ которой онъ по причинѣ его скупости долгое время содержался. Наконецъ ребяческое его желанїе исполнилось, и отецъ его ужаснымъ случаемъ умеръ. Однажды больной нѣсколько успокоился, или отъ великаго бѣшенства силы его ослабли, или когда нѣсколько пришелъ въ разумъ, вздумалъ при-

нять

нять страшное намѣренїе. Словомъ, онъ былъ спокойнѣе, и просилъ своихъ караульныхъ, что бы они дозволили ему нѣсколько подняться; ибо онъ болѣе не могъ лежать. Они прежде долго не хотѣли согласиться, наконецъ по его прозьбѣ сжалились, его отвязали, и позволили ходить ему по горницѣ. Онъ подошелъ къ окошку, и умѣлъ ихъ обоихъ обмануть, сколь строго они надъ нимъ ни смотрѣли. Они не опасались, чтобъ онъ выскочилъ въ окошко, ибо оно было крѣпко забито; но о томъ, что онъ дѣйствительно здѣлалъ, не могли догадаться. Б. . . былъ въ халатѣ, онъ разстегнувъ свою фуфайку, такъ, что караульныя того не примѣтили, и разорвалъ рубашку, которая на немъ всегда была не застегнута. Онъ весьма проворно

вы-

вышибъ окончину, и схватя вострой кусокъ стекла, съ такою жестокостїю ударилъ себя онымъ въ животъ, что большая половина онаго осталась въ ранѣ. Караульныя симъ весьма устрашенныя тотчасъ его схватили. Онъ дозволилъ себя весьма спокойно вести на постелю, и привязать къ оной такъ, какъ прежде. Потомъ они о семъ объявили прочимъ, въ домѣ находившимся, и тотчасъ послали за лѣкаремъ. Сей разсмотрѣвъ рану, вытащилъ изъ оной стекло, длиною въ большой палецъ; и объявилъ, что больной отъ того весьма скоро умретъ. Все остальное время дня препроводилъ Б. . . весьма спокойно; но къ вечеру его бѣшенство весьма умножилось, онъ не прежде пересталъ бѣситься, пока его силы совсѣмъ оставили. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ,

и

и при ужаснѣйшей болѣзни, чувствуемой отъ раны, мучился онъ четыре дни, и въ послѣднїй день порочная его душа оставила гнусное тѣло; онъ чувствуя величайшїя мученїя, стократно проклиналъ самаго себя, своего сына, Бенстону, Генриха и тѣхъ, на которыхъ пропали 40 тысячь талеровъ; и это чудно, что и сей такъ, какъ и сожаленїя достойной Генрихъ, именемъ Бенстонъ жизнь свою окончилъ: проклиная ужасно сїе имя.

Видите, любезная моя прїятельница, человѣка умирающаго такъ, какъ онъ жилъ. Справедливо, что всякой порокъ, рано или поздо самъ себя наказываетъ. Ужасной, однако нравоучительной примѣръ смерти сего чудовища, есть доказательствомъ правосудїя верховнаго судїи. О естьли бы

сїи

сїи страшныя примѣры могли имѣть нѣкоторыя дѣйствїя въ порочныхъ душахъ.

Молодой Б. . . . . получивъ со внутреннимъ удовольствїемъ извѣстїе о смерти своего отца, котораго онъ въ послѣднїя дни его болѣзни никогда не видалъ. Онъ велѣлъ его великолѣпно похоронить, и видѣлъ себя обладателемъ великаго богатства. Это вѣроятно, что по большей части собранное скупостїю богатство, достается въ наслѣдство моту. При семъ случаѣ оное дѣйствительно исполнилось. Б. . . . . предался теперь, будучи сперва удерживаемъ скупостїю своего отца, всѣмъ тѣмъ удовольствїямъ, которыя только роскошь можетъ выдумать; и какъ у него не доставало здраваго разума, то онъ за все почти платилъ вдвое. Онъ еще

еще не освободился отъ оковъ, наложенныхъ на него Бенстоною, и случившееся въ домѣ М . . . еще болѣе его къ ней привязало, вмѣсто того, что бы ему, естьли-бы онъ хотя мало имѣлъ разсудка, отъ нее отстать. Сїя весьма хитрая женщина строила великїя замки въ глупомъ мозгу сей неразумной головы, и вознамѣрилась, или быть его женою, или когда ей въ томъ не удастся, то думала поддѣть у него великую сумму. Въ семъ намѣренїи не хотѣла она выпускать его изъ своихъ рукъ, и ей не трудно было его увѣрить, что она всегда была ему вѣрною, что ни одна женщина не любила его столь нѣжно, и что она умретъ отъ печали, естьли его лишится. Повѣса, вѣря всему тому, онымъ обманулся, и былъ того достоинъ, что

бы

бы его такимъ образомъ обманули. Сколько ни старался его отецъ женить, и сыскать для него невѣсту, однако все сїе было тщетно, но теперь оное онъ исполнилъ. Бенстонъ щастливо достигла своего намѣренїя и Б. . . на ней женился. Но мудрое провидѣнїе опредѣлило, что бы одинъ порочный наказывался другимъ, что въ своемъ мѣстѣ яснѣе увидѣть можно.

С. . . съ своею помощницею положили день, или лучше ночь къ своему намѣренїю. Онъ вооружился потребною къ тому бодростїю, и хотя его пистолетъ нѣсколько безпокоилъ, отъ чего морозъ пронималъ его кожу, и онъ дрожалъ, однакожъ онъ оставивъ свой страхъ, лучше хотѣлъ умереть, нежели жить въ бѣдности. Въ двенатцатомъ часу, пошелъ

онъ изъ своего дома, и скоро пришелъ къ дверямъ горницы Госпожи П... по данному знаку были ему оныя отперты. Все было тихо, и всѣ въ домѣ спали, кромѣ сихъ двухъ чудовищъ. Его помощница, провела его весьма тихо въ горьницу П..., и съ великою осторожностїю отворила двери за обоями. С... слѣдовалъ съ трепещущимъ сердцемъ, и дрожащими колѣнами. Сколько онъ не ободрялся, однакожъ бодрость совсѣмъ его оставила, и невидимая сила столько распространяла надъ нимъ нѣкоторой родъ ужаса, что онъ не могъ оному противустоять. Наконецъ вошелъ онъ въ спальню, и нашелъ Луизу въ глубокомъ снѣ. На столикѣ, которой стоялъ подлѣ кровати, лежали книги, стояла потушенная свѣча, а нѣсколько подалѣе стоялъ но-

шникъ

шникъ, которой весьма ясно горѣлъ. Съ сильно бїющимся сердцемъ и весь отъ робости и страха дрожалъ, подошелъ онъ ближе къ кровати, и едва могъ онъ держаться на ногахъ — С. . . . послѣ, какъ его обманъ открылся, и онъ за то былъ наказанъ, признался, что не возможно описать того, что тогда съ нимъ происходило; Ангелъ смерти, защищающїй спящую невинность, столь его устрашилъ, что онъ пальцомъ не въ силахъ былъ ей коснуться. — Однакожъ онъ имѣлъ еще столько присудствїя Духа, что взявъ лампаду, подошелъ къ кровати, что бы лучше ему было наслаждаться зрѣнїемъ ея прелестей. При семъ онъ увидѣлъ у спящей красавицы, къ величайшей своей радости родимое пятно, и вознамѣрился онымъ обманутъ П.

. . . Луиза имѣла на лѣвомъ плечѣ родимое пятно, на подобїе распускающагося розона. Какъ скоро дерзкїй сїе увидѣлъ, и хорошенько оное замѣтилъ, то оставилъ ея въ покоѣ, и что бы она не проснулась, то тихо отъ нее вышелъ, дѣвка дверь опять заперла, и проводила его изъ покоевъ; С. . . пошелъ домой.

Между тѣмъ, когда сїе происходило въ спальнѣ; Луиза подъ покровительствомъ истиннаго защитника невинности, находилась въ глубокомъ снѣ. Ей снилось, что будто нерадѣнїемъ горнишной ея дѣвки сдѣлался у ней въ спальнѣ великой пожаръ, всѣ вещи въ оной находящїеся были въ пламени, и она сама была въ опасности сгорѣть; какъ вдругъ показался одинъ человѣкъ совсѣмъ особливаго вида, и нѣкоторымъ

ро-

родомъ вечера сохранилъ ее отъ пламени. Все вокругъ ея сгорѣло, и ей всего было удивительнѣе, что никто не тушилъ. Въ короткое время весь ея домъ обратился въ пепелъ, и все ее богатство было добычею огню. И какъ она не видала ни одного своего служителя, то хотѣла ихъ сыскать. Она съ великимъ трудомъ ходила по развалинамъ, и какъ обернулась, то уже оное видѣніе изчезло. Едва она оставила мѣсто пожара, то вдругъ увидѣла себя въ нѣкоторой большей равнинѣ. Вдали увидѣла человѣка, котораго какъ онъ подошелъ ближе, признала своимъ мужемъ. Онъ держалъ одну руку вверхъ, и показывалъ ей съ страшнымъ и угрожающимъ видомъ одинъ цвѣтокъ, она слышала его голосъ, но что онъ говорилъ не могла

разумѣть. Она побѣжала къ нему, что бы его догнать; но увидѣла предъ собою весьма широкую и глубокую рѣку, которая ей въ томъ препятствовала. Она изыскивая средство, какимъ бы образомъ ей чрезъ нее перейти, какъ вдругъ на той сторонѣ берегъ сталъ покрытъ людьми на лошадяхъ и пѣшими, и слышала весьма ужасной крикъ. Сими людьми мужъ ея былъ схваченъ, и она потеряла его изъ глазъ. Наконецъ пропали люди и лошади, вопль былъ слышенъ и рѣки болѣе не стало, увидѣла своего мужа лежащаго предъ ея ногами въ крови, ранами покрытаго и блѣднаго. Она отъ сего закричала и проснулась.

Гжа. П. . . была весьма разумная женщина, и не имѣла никакого суевѣрія. Она съ малолѣтства не имѣла никакихъ предраз-

суждe-

сужденій, и изъ чтенія многихъ книгъ просвѣтила свое познаніе. Однакожъ сей сонъ имѣлъ нѣкоторое впечатлѣніе въ ея сердцѣ, и она сама не знала тому причины. Она уже больше послѣ сего не могла заснуть, и какъ скоро начало разсвѣтать, то встала и севъ за столикъ, написала сей сонъ, и положила оной листокъ въ записную свою книжку, которую всегда при себѣ имѣла.

Какъ скоро С. . . отъ ночнаго своего путешествія возвратился домой, то пропала вся его трусость. Онъ дѣлалъ себѣ тысящу укоризнъ за свою слабость, что пропустилъ случай, котораго впредь болѣе никогда не можетъ получить. Однакожъ онъ самъ не могъ того понять, что съ нимъ происходило. Онъ еще никогда не видывалъ и не слыхивалъ страшнѣе

нїе сего. Но сїе уже прошло, и онъ утѣшался тѣмъ, что примѣтилъ знакъ, которой былъ ему нуженъ для выигрышу заклада.

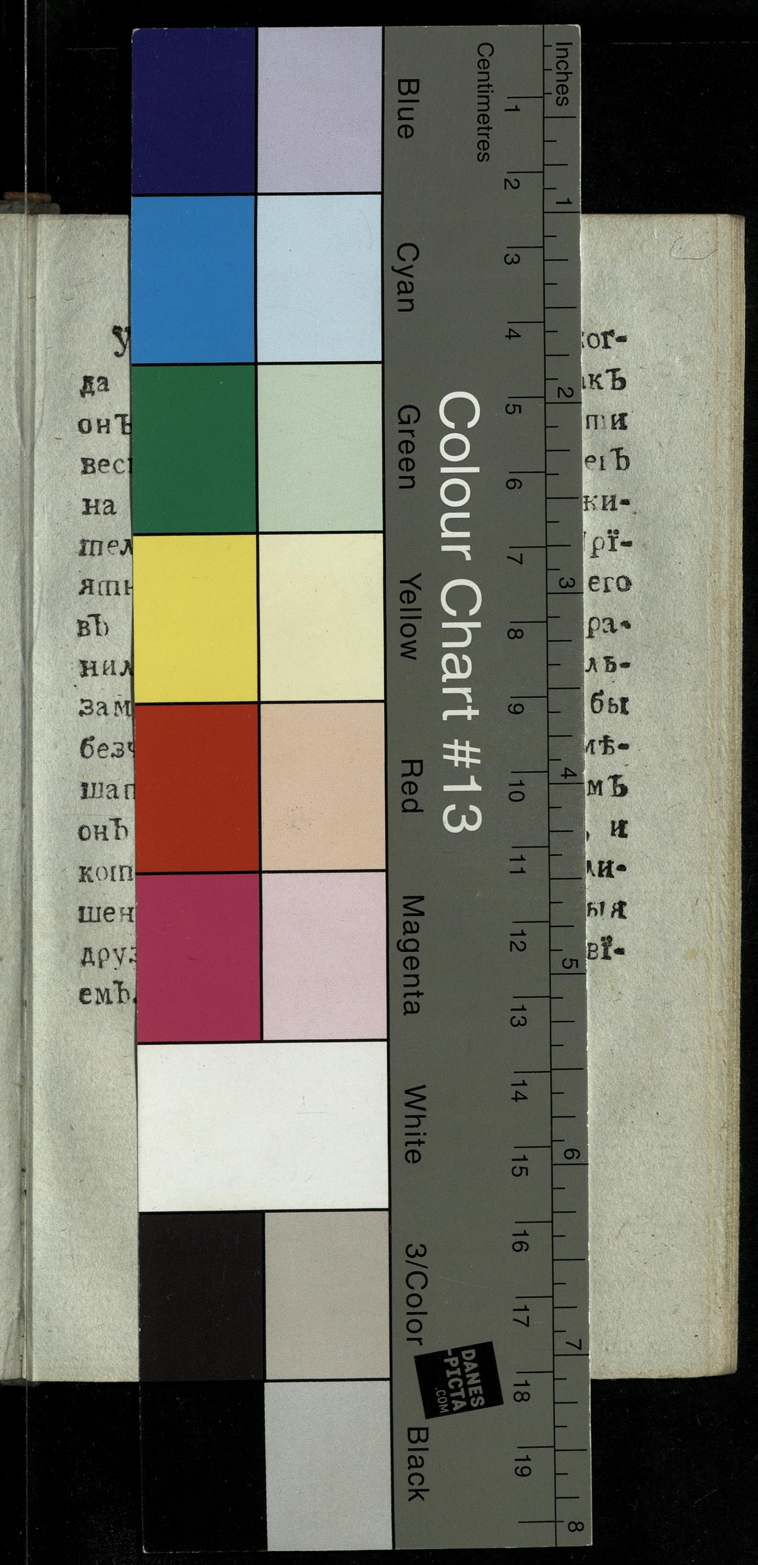
Луиза весьма не терпѣливо ожидала своего мужа. Наконецъ онъ возвратился, и съ нимъ вся ея радость жизни. Она приняла съ нѣжностїю любезнаго своего супруга, и онъ также заключилъ ее нѣжно въ свои объятїя. — Веселитесь, любящїяся, на нѣкоторое время, и вкушайте удовольствїя происходящїя отъ толь вѣрной и постоянной любви! Скоро потомъ послѣдуетъ за ясными днями сильная буря, и приключитъ вамъ много печальныхъ дней — Наслаждайтесь въ сїю послѣднюю ночь радостїю, протекутъ нѣсколько дней, прежде нежели возвратятся сїи восхищенїя.

Уже

Уже нѣсколько было поздо, когда П. . . прїѣхалъ домой. И какъ онъ отъ труднаго своего пути весьма утомился: то скоро легъ на постелю; разумная его сожительница ему послѣдовала. Прїятной сонъ скоро принялъ его въ свои объятїя, и распространилъ по всѣмъ его членамъ бальзамъ успокоенїя. — Это было бы безчеловѣчно, естьлибы помѣшать ему въ его снѣ, каковымъ онъ въ сїю ночь наслаждался, и котораго долгое время былъ лишенъ. И такъ спите невинныя друзья, наслаждаясь спокойствїемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

У ког-
да акЪ
онЪ ти
вес еіЪ
на ки-
тел рї-
ятн его
вЪ ра-
нил лЬ-
зам бы
безч мѣ-
шап мЪ
онЪ , и
коп ли-
шен ыя
дру вї-
емЪ.